

The poster features a woman with long grey hair, wearing sunglasses and a black leather jacket, looking to the side while holding a smartphone. In the background, there is a scene of a couple running on a path at night, and a close-up of lit candles in a brass holder. A red circular sticker is placed in the upper right corner.

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

СЕРДЦЕ ЧЕРНОЙ МАДОННЫ

Ольга Володарская

Сердце Черной Мадонны

«ЭКСМО»

2008

Володарская О. Г.

Сердце Черной Мадонны / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2008

Ире по жизни везло. Особенно на людей! Те, с кем ее сталкивала жизнь, были интересными, успешными, талантливыми. Она встречалась с депутатом, клипмейкером, популярным певцом, а полюбила провинциального бизнесмена по имени Бэк... Ради него она покинула столицу, оставила должность главного редактора модного журнала, забросила друзей, интересных, успешных, талантливых, и посвятила себя ему... Однако он не оценил, и они расстались. А Ира по-прежнему любила и, возможно, вернулась бы к нему, но... Бэка убили! Кто-то из Ириных друзей. Оказалось, ей с ними не так уж и повезло... Один лишил ее мужа, а остальные выкинули ее из своей жизни сразу, как Иру посадили в тюрьму за убийство, которого она не совершала...

© Володарская О. Г., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	19
Часть 2 (далекое прошлое)	21
Глава 1	21
Глава 2	24
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	40
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ольга Володарская

Сердце Черной Мадонны

*Вдруг возникнет на устах тромбона
Визг шаров, крутящихся во мгле.
Дико вскрикнет Черная Мадонна,
Руки разметав в смертельном сне.
И сквозь жар ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный
Снег, идущий миллионы лет.*
Борис Поплавский «Черная Мадонна»

Пролог

Первым, что Ирина увидела, войдя в комнату, была кочерга. Тяжелая чугунная кочерга, которой мешают угли в камине. Железяка валялась рядом с трупом, и на ее наконечнике матово блестела застывшая кровь... Но кровь была не только на кочерге, но и на дощатом полу. Она растеклась небольшой лужей вокруг головы покойницы, образовав пятно, похожее на нимб...

Ира, зажмурившись, отшатнулась. В висках у нее застучало. Застучало ритмично, будто пульсирующая жилка выбивала: «Де-жа-вю! Де-жа-вю! Де-жа-вю!», озвучивая ее мысли...

Все это уже было! И окровавленная кочерга, и алая лужа на полу, и труп.

Пять лет назад Ирка вот так же вошла в каминную залу и увидела это.

А теперь *это* повторилось! Только тогда был убит мужчина, теперь женщина. Тогда Ирин муж, теперь подруга. Тогда в убийстве обвинили ее, теперь...

Кого же обвинят теперь? Неужели опять ее? Ведь и тогда, и сейчас мотив имелся только у нее. А еще на орудии убийства ее отпечатки... И отсутствие алиби...

И тогда... И сейчас...

Часть 1

(недалекое прошлое, или за два месяца до...)

Глава 1

Тюремные ворота с отвратительным скрежетом закрылись за Ириной спиной. Она вздрогнула от этого звука и торопливо зашагала прочь. И только когда и ворота, и пятиметровый забор с вышками, и мрачное здание главного корпуса зоны остались далеко позади, Ира остановилась. Остановилась, чтобы зачерпнуть горсть снега и смыть с лица слезы. Она свободна! Боже, боже, боже, неужели свободна?!

Ира вытерла лицо рукавом своего пальто. Того самого, в котором ее забрали из зала суда. Осенне-зимняя коллекция прет-а-порте Доминико Дольче и Стефанно Габбаны. «Мокрый» шелк на котиковой подстежке. Когда Ире выдали его час назад, она очень удивилась. Думала, присвоили давно ее пальто, ан нет, видно, никто из тюремщиц не смог оценить истинную стоимость вещи, приняв ее за рыночную тряпку. Шапку-то, эксклюзивный берет из шиншиллы, зажали. Вместо нее выдали серую шаль. Ира намотала ее на голову, поверх накинула пальто, сунула руки в брезентовые рукавицы, закинула за плечо выдавшую виды спортивную сумку с нехитрыми пожитками и вышла в мир...

Мир встретил мокрым снегом. Он падал с серого неба на обмотанную старой шалью голову, впивался в лицо, слепил глаза... Но Ирина была рада ему. Она теперь всему радовалась. Ведь она на свободе!

О том, что ее выпускают раньше срока, она сообщила и маме, и бабушке, и лучшей подруге Люське – единственным людям, кто не забывал ее все эти годы, писал, присылал чай и сахар. Но когда конкретно ее освободят, она умолчала, хотя знала точную дату (сегодняшнюю!). Она не хотела, чтобы ее встречали у ворот, сама не зная почему. Ирина не стеснялась себя теперешней – осунувшейся, поседевшей, с плохо залеченным передним зубом, не стыдилась своего статуса бывшей зэчки, не боялась смотреть людям в глаза... Да и с чего она должна стыдиться? Ведь она ничего плохого в жизни не сделала! Хотя и отсидела пять лет за убийство собственного мужа...

За убийство, которого не совершала.

«Я невиновна!» – холодно чеканила она следователю, ведшему ее дело. «Невиновна!» – отбрасывала она адвоката, уговаривающего ее написать признание, чтобы облегчить свою участь. «Невиновна!» – кричала она в суде, когда приговор был зачитан и конвойные уводили ее из зала. «Невиновна!» – твердила своим сокамерницам... Но ей никто не верил. Даже мать. И друзья. Они не признавались в этом, но Ирина видела по их глазам – не верят...

И вот теперь пришло время доказать всем, что она невиновна.

Ирка знала, что сделать это будет очень трудно. Ведь прошло столько лет! К тому же у нее теперь ни связей, ни денег, так что рассчитывать на чью-то квалифицированную помощь не приходится. Здоровья, и того нет – два года назад одна из зэчек толкнула Ирину так сильно, что она упала и сломала ногу в двух местах. Кости срослись неправильно, и теперь Ира прихрамывала и мучилась болями...

Но все это не имело значения! Ирина твердо знала: она найдет убийцу. Тем более что круг подозреваемых не так уж велик: всего девять человек. Именно столько приглашенных было на вечеринке по случаю их с Бэком (так звали Иркиного мужа) «ситцевой» годовщины, после которой и произошло преступление... Один из этих девяти и есть убийца!

За пять лет ее родной городок Ольгино не изменился совершенно. Когда Ирка вышла из вагона и огляделась, то глазам своим не поверила. Все осталось таким, как она помнила. Абсолютно все! И выщербленная платформа, и станционная домушка, и остановка рядом с ней, и привокзальный магазинчик, и даже рекламный плакат на его стене, казалось, висел все тот же. «Имидж – ничто!» – прочитала написанный на нем слоган Ирка и хмыкнула. Очень в тему!

Спустившись с платформы и купив в магазинчике банку «Спрайта» (ее имидж произвел неизгладимое впечатление на продавщицу!), Ирка направилась по шоссе в сторону отчего дома. Дошла за двадцать минут. Могла бы попасть туда и раньше, если б согласилась на то, чтоб ее подвез сердобольный старичок на «Москвиче-412», но Ирка отказалась – ей хотелось пройтись.

Мама встретила на пороге. Увидела в окно приближающуюся к дому дочь, выскочила на лестничную клетку и буквально упала в Иркины объятия. Она рыдала, руки ее, припудренные мукой, тряслись. Ирка прижала ее к себе и тоже заплакала. Они долго стояли в подъезде, воя в голос, потом в унисон засмеялись и заторопились в квартиру.

Мать стала суетиться у плиты, рассыпая по кухне муку (она затеяла пироги – как чувствовала, что кто-то в гости явится), сшибая табуретки, роняя ложки. Ира порывалась ей помочь, но мама не позволяла. Она то усаживала дочь на диван, то отправляла ее в ванную мыться, то совала какую-нибудь еду и все никак не могла поверить, что эта изможденная, сурово нахмуренная немолодая женщина – ее тридцатилетняя красавица-дочь.

Потом, когда Ирка намылась, а мама приготовила обед, пришли бабушка и Люська. Бабушка притащила целую сумку всяких домашних солений-варений, а Люська бутылку пятизвездочного коньяка. Накрыв на стол, они расселись. Выпили по пятьдесят граммов. Ирка, опорожнив стопку, передернулась. Она отвыкла от алкоголя вообще, а от коньяка – в частности. Вкус некогда любимого напитка показался противным, а быстро пришедшее опьянение было настолько расслабляющим, что она тут же уснула. Даже не попробовав маминых пирогов и бабушкиных помидорчиков.

Проснулась Ирка рано. Мама спала. Бабушки с Люсей не было – они ушли поздним вечером (чтобы не тревожить спящую, все переместились на кухню и долго разговаривали там, стараясь избегать темы, касающейся разительной перемены во внешности и поведении Ирки), не забыв убраться со стола и перемыть посуду. Ирина села за чистый стол, достала из банки соленый огурчик и со вкусом им захрустела. Съев один, потом второй и третий, она встала, чтобы поставить чайник. А потом застыла возле окна и стала рассматривать двор, по которому носилась девочкой, пробегала девушкой, степенно ходила молодой женщиной. Вон лавочка, на которой они с братом любили отдохнуть после работы, потрепаться, на ней же они сидели с Люськой, сплетничая об общих подругах, там целовались с Бэком перед тем, как проститься...

Бэк! Тогда он был ее женихом, потом стал мужем. Первым и единственным. Любимым. При воспоминании о нем к Иркиному горлу подступил ком. Она готова была вновь расплакаться, но все-таки сдержалась. Ведь никогда не была плаксой, даже в тюрьме очень редко лила слезы, а на свободе ревет и ревет... Как плотину прорвало!

Взяв себя в руки, Ирка заварила себе чаю – крепкого и сладкого-пресладкого, перекусила, потом оделась и вышла из квартиры. Она решила навеститься туда, где началась их с Бэком история и где в ней была поставлена финальная точка, – в ИХ дом. Именно в нем, в старинном особнячке, принадлежавшем до революции купцу-миллионщику, а затем Бэку, произошло их первое свидание. Там же они играли свадьбу. И там же Бэка убили! Во время вечеринки по случаю «ситцевой» годовщины. Убил один из девяти Иркиных друзей – ровно столько человек были приглашены на нее...

Доехав до старой площади на рейсовом автобусе, она вышла и двинулась в сторону реки Сейминки. Пока шла, напряженно размышляла о том, что не знает, с чего начать поиски

убийцы. Находясь в тюрьме и мечтая о том, как, выйдя на свободу, она восстановит справедливость, Ирка представляла лишь конечный результат: собрав всех в комнате, где был убит Бэк, она подойдет к убийце и спросит: «За что?» Она прокручивала в воображении эту сцену много-много раз, а вот конкретного плана действий не разработала. Она уподобилась Скарлетт из «Унесенных ветром», только если та говорила себе: «Я подумаю об этом завтра», то Ирка твердила: «Подумаю, когда выйду».

И вот она вышла! А в голову так ничего и не лезет! Но Ирка почему-то не сомневалась, что решение придет сразу, как она попадет в дом. Откуда в ней такая уверенность взялась, Ирка не могла сказать. Видимо, ей просто подсказывало сердце...

Медленно двигаясь в сторону ИХ дома, Ирка вспоминала, как, прогуливаясь здесь шесть лет назад, познакомилась с Бэком. Тогда она приехала из Москвы, где жила и успешно трудилась главным редактором женского журнала, проведать маму, и решила побродить по старым улочкам города. Нагулявшись, она присела на скамейку возле красивого деревянного строения – эдакого теремка с высоким крыльцом, балкончиками, узкими, украшенными резными белыми наличниками окнами и увенчанной флюгером башенкой. До революции он принадлежал купцу Егорову, а во времена Иркиного детства в нем располагался Дом пионеров. С тех пор много воды утекло, но домик оставался таким же очаровательным, только цвет изменился: был зеленым, стал бордовым...

– Любуетесь? – услышала Ирка за своей спиной.

Обернувшись, она увидела молодого мужчину явно азиатской внешности. Он был одет с иголки и идеально причесан.

– А вы обратили внимание, что дом поменял цвет? – продолжил мужчина. – Раньше зеленым был, помните? – Ирка кивнула. – Я когда этот дом увидел, сразу понял, что он должен быть именно такого цвета. Угадал! Уже потом прочитал, что он и вправду был выстроен из красного дерева. Необычно и безумно дорого. Между прочим, зелень с него соскоблена, а дерево покрыто мастикой, так что бордо – это не краска, а настоящая поверхность бревен, – закончил молодой человек.

– А вы, простите, кто?

– Хозяин дома.

– Но ведь он – историческая и архитектурная ценность. Как вам его продали?

– Ну не совсем продали – сдали в аренду на девяносто девять лет. – Он широко улыбнулся. Зубы у него оказались просто фантастически ровными и белыми. – Пойдемте в гости.

Ирка удивленно посмотрела на мужчину. Надо же, пять минут поговорили, даже не познакомились, а он уже в гости зовет.

– Скажите, а вы кто по национальности?

– Вы что, шовинистка?

– Нет, – Ирка смутилась. – Просто зачем японскому парню дом русского купца?

– Корейскому, а не японскому. И то наполовину. Но я отвечаю. Приехал я в СССР в восемнадцать, больше десяти лет назад, не знаю почему. Мне хорошо жилось в Корее, но рвался именно в Россию. Не могу это объяснить только тем, что у меня мама русская, – воспитывали-то меня как настоящего корейца. Но стоило маме заговорить о своей родине, она из Поволжья, спеть протяжную русскую песню, моя душа начинала ныть и проситься туда. Приехал. Долго мотался по вашей необъятной родине, цветами торговал, шмотками, а разбогатев, решил обосноваться в Москве. Проезжал как-то в столицу через этот городок и почему-то завернул сюда. А уж когда на этом месте оказался, понял, что именно сюда рвалась моя душа, и теперь путь закончен...

– И вы осели здесь, в нашей глуши?

– Да. А чтобы не скучать, купил обе старые мельницы, магазин, столовую – в общем, все, что давным-давно принадлежало Егорову, а в последнее время дышало на ладан и было

на грани банкротства... – Мужчина резко замолчал и вдруг выпалил: – Меня зовут Бэком. А вас как?

– Ирина, – представилась она.

– Ирочка, предложение остается в силе!

Она пристально посмотрела на собеседника. Он был среднего роста, стройный, гибкий. В лице его проскальзывало что-то славянское: кожа была белая, без желтизны, нос немного вздернутый, а глаза довольно большие. Бэк, заметив ее пристальный взгляд, еще раз улыбнулся:

– Ну что, прошел я фейсконтроль? На маньяка не похож? – весело спросил он, а Ирка хмыкнула в ответ. – Тогда пойдете ко мне в гости. Я напою вас чаем из самовара!

И, не слушая вялых Иркиных возражений, Бэк взял ее под локоток и повел к дубовым дверям теремка.

Вот так они и познакомились...

И весь день провели вместе. При этом ничего между ними, кроме поцелуев и объятий, не было. На следующий день они гуляли по берегу реки, болтая, молча сидели у зажженного камина – слова уже были не нужны, хватало взглядов. И тогда она не осталась у него, хоть и мечтала заняться с ним любовью, но ее останавливала какая-то странная стыдливость. Зато ночью Ирка неожиданно проснулась, открыла глаза – за окном ночь, полная луна, – вскочила с кровати, а потом, уняв сердечную дрожь, вылетела из дома и побежала по направлению к его дому. Она неслась как на пожар, невзирая на темень и расстояние. Мелькали столбы, деревья, дома... Вот и забор, орешник за ним, калитка...

Бэк, голый по пояс, выскочил из дома, замер, а когда разглядел в темноте ее белый силуэт – шелковый кремовый халат поверх ночной рубашки, – рванул навстречу, схватил в охапку, поднял на руки и перенес через порог.

С той ночи и началась их любовь. И если бы у Ирки спросили, что она испытала, когда их тела сплелись, она ответила бы – восторг. Душевное парение, сладкую сердечную истому, телесную легкость – именно это, а не что-то другое. После, когда они лежали без сна на шелковых простынях, она не могла даже вспомнить, испытала ли физическое удовольствие. Но она знала одно – никогда еще после близости она не испытывала такого безграничного счастья. Только Бэк, этот стройный гибкий мужчина, подарил ей восторг и духовное очищение.

А после Ирка поняла – ей не хочется уходить из ИХ дома. Она все бродила по нему: по его крутой узкой лестнице с причудливо изогнутыми перилами, по просторным комнатам (раньше, в советские времена, их делили фанерные перегородки, разбивая просторные залы на крохотные кабинетики), по уютной кухне, в которой сохранилась настоящая русская печь... Любила она и башенку, с которой открывался вид на площадь, реку, лес. Бэк возвращался домой поздно, когда солнце уже закатывалось за поросший дубравой горизонт, и Ирка ждала его, стоя на башенке, замирая всякий раз, едва видела его стройную фигуру.

Ночами они не выпускали друг друга из объятий. Спали, тесно прижавшись. Тело к телу. Если поворачивались, то одновременно. Если один вставал, чтобы сбежать в туалет или на кухню, второй тоже просыпался...

Как-то на рассвете, когда первые солнечные лучики ласково гладили плечо проснувшегося Бэка, Ирка вдруг осознала – вот оно, счастье. Другого ей и не надо!

Пролетела неделя, еще три дня. Из Москвы стали поступать требовательные звонки, ей надо было возвращаться. Да, конечно, в столице ее ждали любимая работа, бурная жизнь, друзья, коллеги – все, что было желанным и стало для нее уже привычным. Но понимала она и другое – что без Бэка не сможет жить так, чтобы ощущать себя даже не счастливой, а полноценной. Он стал частью ее! И этот дом, и река, и лес... – ей будет не хватать и их. Все же Ирка уехала, сказав, что обязательно позвонит. Бэк понял, отпустил, взяв с нее обещание вернуться...

Она вернулась спустя две недели – больше не смогла выдержать разлуки. А еще через две они поженились.

Венчались они в белокаменной Рождественской церкви на левом берегу Волги. На Ирке было великолепное серебристо-голубое платье с длинным шлейфом, присланное в подарок другом-дизайнером; на пальце перстень – презент жениха: крупная жемчужина, окруженная россыпью мелких бриллиантов, в оправе из платины; в руках белоснежные розы, а на голове фата из тонких кружев ручной работы. Бэк был облачен в синий фрак и голубую рубашку. Гостей всего двое: Люся и ее муж Сашка. После церемонии молодые и их свидетели отобедали в ресторане «Баржа», а к вечеру на белоснежном лимузине отправились в Ольгино.

Когда они приехали, уже смеркалось, но уличные фонари еще не зажглись. Бэк помог жене выйти из машины, распахнул ворота и согнулся в поклоне. Ирка нерешительно шагнула вперед и обмерла...

Через весь парк, от самых ворот и до высокого крыльца, тянулась красная ковровая дорожка. На деревьях, росших по обе стороны от нее, висели маленькие фонарики и атласные ленты, которые трепал ветер, отчего они переливались в ярком свете разными оттенками. Крыльцо же – и колонны, и навес, и перила – было увито цветами. А на травке рядом, касаясь головами благоухающих гирлянд, стояли музыканты. Завидев молодых, они как по команде подняли смычки и заиграли марш Мендельсона.

Бэк легко взял Ирку на руки. Понес, аккуратно ступая по красному ворсу, и смотрел неотрывно в глаза. Они поднялись на крыльцо, вошли внутрь дома. Бэк поставил жену на пол, взял ее руку в свою, поцеловал, после, все так же молча, повел по лестнице на второй этаж.

Дверь в залу была распахнута, все окна тоже. В комнату врвался ветерок, донося запах цветочных гирлянд и звуки скрипичной музыки, кажется, это был уже Штраус. Бэк обнял Ирку и закружил ее в вальсе, она грациозно скользила, ведомая умелой рукой и неизвестно откуда взявшимся наитием – никогда раньше она не пробовала танцевать вальс. Она порхала как бабочка, и ее развевающаяся фата походила на узорчатые крылья.

Они еще долго танцевали, потом он отнес ее в спальню – музыка и там услаждала их слух, проникая через открытую балконную дверь, – где они занялись любовью, теперь по праву мужа и жены.

В свадебное путешествие они отправились в Париж. Но город почему-то не произвел на них особого впечатления – Ирку всегда восхищала только экзотика, а Бэка ничто не волновало больше, чем поросшие орешником берега Сейминки. Через неделю они вернулись, очень довольные тем, что путешествие закончилось и они вновь шагают не по парижской мостовой, а по пыльной улице городка Ольгино.

Весь следующий месяц был похож на сказку. Бэк работал, Ирка ждала его, потом они ужинали на балконе, благо погода еще позволяла, разговаривали, молчали, целовались и прочее, прочее, прочее... Иногда они выезжали в Н-ск, где у Бэка была прекрасная квартира. Ирка, пока муж работал, повышая благосостояние их семьи, бродила по набережной, по кремлю и узким улочкам, застроенным двухэтажными домиками с окнами у самого асфальта.

Еще через месяц деятельной Ирке стало чего-то не хватать. Весь день она маялась от безделья, спасаясь от скуки только благодаря Интернету, оживала к вечеру: подкрашивалась, наряжалась, готовила легкий ужин – ее муж не любил переедать. Потом взбиралась на башню и ждала.

Когда наступила осень, Ирка готова была взвыть. Ей стало тошно и одиноко. Да еще эти голые ветки деревьев, серая река, хмурый горизонт – все так давило, угнетало, когда она выглядывала Бэка, стоя на башне. Однажды она не выдержала и заявила мужу:

– Я хочу заняться выпуском журнала.

– Зачем?

Он был искренне удивлен. Разговор состоялся вечером, Бэк сидел у камина, читал газету, отдыхал от забот, и заявление жены его ошарашило.

– Мне скучно.

– Девочка, у тебя есть машина, съезди в гости, в парикмахерскую. Развейся.

– Бэк, я выходила за тебя замуж не для того, чтобы сесть тебе на шею и ничего не делать.

– Да? – Его глаза весело сверкнули. – А я думал именно так. Я же богач, любая мечтает такого подцепить.

– Бэк, я серьезно. Мне хотелось бы попросить у тебя финансовой помощи. Если ты дашь мне кредит, я смогу выпускать неплохой журнал. Уж в этом-то я толк знаю.

– Ирочка, ну зачем тебе лишние заботы? Занимайся лучше домом и мной. – Он ласково улыбнулся и вернулся к газете.

– Я все равно найду себе работу. Пойми, я не рождена для праздной жизни, мне необходимо чем-то себя загрузить. – Ирка подошла к мужу, присела, положила подбородок ему на колени. – Пока тебя нет, я скучаю, мне нужно занятие на день.

– По-моему, моя горячо любимая жена просто давно не выезжала никуда, вот и загрустила. Я обещаю свозить тебя... например, в Испанию. – Бэк поцеловал ее в висок и продолжил чтение газеты.

– Ты дашь мне кредит? – настойчиво спросила Ирка.

– Нет, конечно.

– Тогда я возьму в банке.

– То есть? – Бэк вскинул голову, взгляд его выражал недоумение.

– Я решила учредить журнал, и я это сделаю. Конечно, я-то надеялась, что мой муж мне поможет...

– Я запрещаю тебе.

– Что? – Ирка не верила своим ушам.

– Я твой муж, и я тебе запрещаю, – повторил Бэк.

– Но это же домострой! Я не прошу у тебя позволения, я прошу помощи! – Ирка даже вскочила от возмущения. Она не предполагала, что услышит такой ответ, у нее даже в голове не укладывалось, как один человек может запретить другому что-либо делать.

– Разговор окончен, – отрезал он и теперь уже демонстративно уткнулся в газету.

– Бэк, милый, выслушай меня. Мое занятие не помешает...

– Я сказал – нет. Точка.

Бэк встал с места, отшвырнул газету и вышел за дверь.

Ирка разревелась и убежала в другую комнату. Первая ссора для любой молодой жены потрясение, но ссора по столь принципиальному поводу показалась ей просто страшной. Она тихо плакала и не могла успокоиться. Ирка недоумевала, как мужчина, которого она считала частью себя, может проявлять такой эгоизм и неуважение к ее стремлениям. Впервые она обнаружила, что у Бэка есть недостатки, и это ее потрясло.

Через час муж вошел к ней в комнату, прилег рядом, обнял и попросил прощения. Говорил, что она не должна обижаться, ведь все корейцы таковы – у него на родине слово мужа – закон, и что он подумает над ее просьбой.

Ирка улыбнулась сквозь слезы, бросилась ему на шею и обняла крепко-крепко.

– Никогда не разочаровывай меня так! – бормотала она.

– Не буду. Но и ты меня пойми, я не могу измениться в один миг.

– Бэк, милый, я обещаю не забывать о своих супружеских обязанностях, я буду идеальной женой, даже если стану работать.

Ирка нашептывала ему это на ухо, а сама прислушивалась к себе. Где-то в сердце или в душе было так льдисто оттого, что недавно произошло, что она никак не могла прийти в себя. После первой ссоры пришел и первый страх – страх потерять мужа. Она так его любила, что уже не представляла, как будет жить без него...

– А если у нас родится ребенок? – спросил он, отстранившись, чтобы заглянуть ей прямо в глаза. – Ты же знаешь, как я мечтаю о сыне и о том, что у него будет крепкая семья.

– Знаю. Но ведь пока мы не планируем ребенка. Вот поэтому я и хочу заняться журналом сейчас, а когда родится бэби, мое издание уже будет иметь читателей, спонсоров.

– Хорошо, детка, уговорила.

– Да? Ты дашь мне денег?

– Нет, я подумаю.

Думал он долго, но в итоге денег Ирке все же дал. Только это не улучшило их отношений!

После первой ссоры вторая последовала совсем скоро. На сей раз причина была другой, но реакция той же. Бэк холодно поставил ее на место и потребовал послушания. Ирка опять плакала.

После их ссор Бэк всегда шел на примирение первым, он неизменно просил прощения и искренне говорил, мол, сам не понимает, что с ним происходит. Ирка верила, уж очень горячо он раскаивался, но проходила неделя, и ссора повторялась.

Совсем плохо стало, когда она погрузилась в заботы о своем детище – журнале. Она, конечно, старалась возвращаться домой вовремя, не обременять Бэка собственными заботами, быть всегда милой и бодрой, но иногда у нее не получалось. Раз она засиделась в редакции, что естественно, ведь готовился дебютный номер, и вернулась домой позже мужа. Бэк не разговаривал с ней три дня, когда же она пыталась сначала подлизаться, потом воззвать к его разуму, он огрызался и продолжал ее игнорировать. Естественно, они помирились. И примирение, как всегда, было бурным – слезы, признания, горячий секс.

Потом он стал ревновать ее не только к работе, но и к мужчинам. Он залезал в ее компьютер, в записную книжку, проверял, кто ей звонил на сотовый, а так как деловые звонки поступали часто, он бушевал и обвинял ее в неверности. Хуже всего было, когда он кричал – при этом его лицо становилось ужасно злым, Ирка даже не верила, что оно принадлежит ее Бэку.

Так прошел почти год. Постоянные ссоры и примирения. И последние уже не доставляли Ирке никакого удовольствия. Она устала от нападок, ей надоело жить в постоянной готовности к удару. Ирка уже подумывала о том, не пора ли им обратиться к семейному психологу, как произошло то, что перечеркнуло все ее желания наладить отношения, – Бэк ее ударил.

В тот воскресный день она пробудилась довольно рано. Можно было поваляться в постели, но она встала, быстро оделась и выскользнула из комнаты, чтобы скоренько приготовить мужу завтрак. Ирка в который раз (она в последнее время часто по утрам настраивала себя на спокойствие) поклялась себе не поддаваться первому порыву и не ссориться с Бэком по пустякам. «Я буду паинькой – я же люблю его!» – говорила она себе, когда сутилась на кухне, а потом искала мужа по дому, шлепая босыми ногами по теплему деревянному полу.

Нашла Бэка в зале с камином, который он любил больше других комнат. Супруг сидел в своем глубоком кресле и смотрел в окно.

– Привет, – весело поздоровалась Ирка, – я приготовила кофе.

– Спасибо, я пил, – вежливо, но сухо ответил он. Глаза его, устремленные на сверкающий на солнце купол церкви, казались золотистыми.

– Ну выпей еще чашечку, вместе со мной. Давай?

– Я не хочу. – Он встал, потянулся, размял свое стройное мускулистое тело. – Съезжу-ка я в Н-ск...

– Зачем?

– По делам, конечно.

– Но сегодня же выходной, – разочарованно протянула Ирка, – а мы так редко видимся...

– Да, мы видимся редко, но это потому, что тебе интереснее пропадать в своей редакции, чем сидеть дома с мужем!

– Бэк, не начинай, – взмолилась Ирка, – давай проживем хотя бы день без скандалов. Я так устала...

– Я тоже устал! Когда я женился на тебе, то представлял нашу жизнь совсем по-другому... – Он раздраженно смахнул со лба густую челку. – Мне нужна нормальная семья, а не пародия на нее! Я тебе сто раз говорил, что хочу сына, а ты все равно пьешь таблетки втайне от меня...

– Неправда! Когда ты увидел меня, я принимала не противозачаточные, а обезболивающие, – запротестовала Ирка. Она на самом деле уже не предохранялась, просто у нее пока не получалось забеременеть.

– Не ври мне! – оборвал жену Бэк. – Ты пьешь их, потому что не хочешь иметь детей! Ты сухая, эгоистичная женщина, думающая только о себе... Тебе никто не нужен! Ни я, ни дети...

Ирка от обиды зажмурилась, а потом распахнула глаза и в сердцах выпалила, только чтобы уколоть его так же, как он ее:

– Я просто не хочу детей от тебя!

И тут он ее ударил. Со всей силы. Размахнулся и вмазал по лицу...

Ирка, схватившись за щеку, покачнулась. Из глаз ее брызнули слезы...

Бэк мгновенно опомнился, бросился к жене, но Ирка отшатнулась от него. Не отрывая руки от горячей щеки, она вылетела из комнаты, сбежала по ступенькам вниз, сорвала с вешалки в прихожей то, что подвернулось под руку, сунула ноги в резиновые полусапожки, в которых возилась в саду, выскочила из дома и помчалась прочь от дома, где рухнули ее мечты.

Глава 2

Неделю Ирка жила у матери. Лежала дни напролет, глядя на пестрый настенный ковер, блуждая по лабиринту его рисунка и своей памяти. Она вспоминала моменты безграничного счастья, потом те, что омрачали ее жизнь, и все думала, думала о том, что именно лучше забыть: плохое или хорошее. Она не знала, как быть! Она любила Бэка, но не могла с ним жить. Она понимала: если простит его, то рано или поздно все повторится – и скандалы, и рукоприкладство... Она понимала! А сердце не хотело слушать голос разума, оно болело и страдало, и тянулось к Бэку, и все ждало, когда доводы рассудка ослабнут, чтобы заставить Ирку действовать по своей воле...

Бэк звонил все эти дни, но Ирка не брала трубку. Несколько раз приходил, но мама по просьбе дочери не пускала его. На восьмой день Ира все же решила ответить на звонок мужа.

– Чего тебе надо? – сухо спросила она, подняв трубку.

– Прости меня, Ирочка, прости! – умолял он, и в голосе его было столько искренности. – Я не знаю, что на меня нашло!

– Бэк, между нами все кончено.

– Мы год жили вместе, а ты в один миг хочешь поставить точку в наших отношениях. Тебе не кажется, что это нелепо?

Она молчала.

– Давай встретимся.

– Чтоб ты меня еще раз избил?

– Я не бил тебя, я дал тебе пощечину!

– Это, конечно, все меняет... – с издевкой хмыкнула она.

– У нас сегодня годовщина свадьбы. Ты помнишь?

– Нет! – поспешно соврала Ирка. На самом деле она, конечно, помнила. – А теперь давай закончим разговор... Ты мне до смерти надоел!

– Ну а вещи ты забрать не хочешь?

– Подавись ты ими!

– Ира, я уезжаю, приходи, забери вещи.

– Куда намылился? – грубо спросила Ира. Ох, знал бы Бэк, чего ей стоила эта бравада!

– Без тебя пребывание здесь не имеет смысла, я уезжаю в Москву. Но если ты вернешься...

– Забудь, парень, через час я приду за чемоданом!

Через час она действительно пришла. Открыла дверь своим ключом и решительно шагнула в дом. В прихожей было темно, зато лестница, ведущая наверх, оказалась освещенной дюжиной разноцветных фонариков. Они зазывно подмигивали Ирке, как бы приглашая ее подняться по ступенькам на второй этаж. Поняв, что Бэк ее обманул, она хотела развернуться и уйти, но что-то ее остановило: то ли любопытство, то ли желание испытать себя на прочность. Решительно шагнув на первую ступеньку лестницы, она стала стремительно подниматься.

Холл второго этажа оказался украшен не только огнями, но и цветами. Огромные охапки любимых Иркиных хризантем торчали из напольных ваз. Из хризантем же были изготовлены развешанные по стенам гирлянды. Цветы удивительным образом преображали темноватое помещение, делая его не просто нарядным, а даже помпезным. И это Ирке не очень понравилось. Красиво, конечно, но совсем не соответствует случаю!

– Бэк! – позвала она мужа из холла. – Ты где?

Вместо ответа она услышала музыку. Зазвучал Штраус (естественно, Штраус!). Звук лился из каминной залы. Но при этом света в помещении не было.

– Бэк! – сердито крикнула Ирка. – Что за сюрпризы идиотские?

И она, раздраженно тряхнув головой, вошла в залу.

Едва Ирка переступила порог, как свет озарил помещение, и она увидела... небольшую, но тесно сбившуюся группу! Не веря глазам своим, Ирка заморгала, желая прогнать наваждение. Но люди не исчезли. Они продолжали находиться в празднично убранном помещении и радостно улыбались ей. Тут были все ее друзья, все, с кем в последние годы свела ее судьба. Не только Люся и Сашка, проживавшие в Ольгино, но и те, кого она не видела с тех пор, как покинула Москву: Игорь, Ника, Валя, Машуня, Колян... А также Себастьян с Аланом, выпавшие из ее жизни раньше...

– Сюрприз-и-из! – прокричали они нестройным хором и бросились к Ирке обниматься.

С этого началась вечеринка по случаю их с Бэком «ситцевой» свадьбы, которая продолжалась до полуночи. Когда же старинные часы из красного дерева пробили двенадцать раз, народ начал прощаться. Ирка, не зная, где все будут ночевать, бросилась к телефону, чтобы вызвать такси, но оказалось, что Бэк уже обо всем позаботился:

– Гостевые комнаты на первом этаже готовы, – сообщил он позевывающим гостям. – Я провожу вас...

И проводил ведь, хотя никогда не отличался особым радушием! Развел всех по комнатам, пожелал спокойной ночи... И главное – никому не позволил покинуть дом. Грозился обидеться, если не по его будет, и все обещал какой-то утренний сюрприз.

В итоге в доме остались все. К счастью, комнат на первом этаже хватило, чтобы разместить гостей. Когда они разошлись по своим «опочивальням», Бэк с Иркой вернулись в залу. Бэк встал у камина, опершись на его полку, а Ирка села на подоконник. Он пил бренди из пузатого стакана, она – минералку из бутылки. Свечи оплавились, но еще тлели. Хризантемы завяли, но пока пахли. Праздник кончился, а ощущение радости не покидало...

– Спасибо, – с благодарностью улыбнулась мужу Ирка. – Такого удивительного сюрприза я никак не ожидала...

– Все для тебя, – тихо ответил Бэк, подходя к ней.

– Не представляю, как тебе удалось их разыскать, а главное – уговорить приехать...

Бэк пожал плечами и протянул руку к ее щеке, чтобы погладить, но Ирка перехватила ее со словами:

– Не надо...

– Почему? – Он сделал попытку обнять ее за талию.

– Бэк, я очень благодарна тебе за прекрасный вечер, но...

– Но... что? – Бэк слушал ее вполуха, он тянулся губами к ее шее.

– Но это ничего не отменяет!

Он замер, отстранился и спросил хмуро:

– Что ты сказала?

– Бэк, между нами все кончено! – отрезала Ирка, прыгнув на пол. – Я приняла решение и не изменю его...

– Разлюбила? – холодно спросил он. – Или не любила никогда?

– Дело вовсе не в этом...

– У тебя кто-то есть?

– Бэк, перестань!

– Ответь мне!

Ирка, ни слова не говоря, развернулась, но Бэк схватил ее за локоть и повернул лицом к себе.

– Зачем ты все портишь? – зло выкрикнул он.

– Все портишь ты, – бросила ему Ирка. – Ты при всех своих неоспоримых достоинствах обладаешь одним огромным, перечеркивающим все недостатком... Ты – тиран! – Она дернула

руку, чтобы вырвать ее из тисков его пальцев, но Бэк не позволил. – Ты делаешь мне больно, – яростно прошептала Ирка.

– Больно мне! – Он еще сильнее сжал пальцы. – Я из кожи вон вылез, чтобы угодить тебе!

А ты выкобениваешься... строишь из себя...

– Отпусти меня!

– И не подумаю...

Ирка, задохнувшись от возмущения, рванула руку. Безрезультатно! Так и не вырвавшись, свободной ладонью залепила ему пощечину. Впервые она ударила человека по лицу. Она никогда не делала ничего подобного, но теперь ей хотелось именно оскорбить Бэка. Вот и ударила. И Бэк взбесился. Выкрутив Иркину руку так сильно, что она закричала от боли, он сначала пнул ее, попав по ноге, потом коленом ударил в бок. Колени Ирки подогнулись, она начала оседать на пол. Бэк встряхнул ее, как куклу, и отшвырнул от себя. Ирка отлетела на три метра. Ударилась о решетку камина. Упала...

Бэк с перекошенным от гнева лицом шагнул в ее направлении. Ирка, не собираясь больше терпеть побои, схватила кочергу и, вскочив на ноги, замахнулась.

– Только подойди! – крикнула она. – Я тебе, гад, башку разобью!

Бэк замер. Неподвижно простояв секунд десять, бросился вперед. Ирка зажмурилась и... опустила кочергу! Тут же в лицо ей брызнуло что-то теплое. Кровь! Ирка в ужасе взвизгнула и открыла глаза, ожидая увидеть разmozженную голову мужа. Но, к великому счастью, ее удар ощутимого вреда организму Бэка не нанес. Острие кочерги попало ему в плечо и рассекло кожу. Рассекло, правда, прилично – кровь брызнула фонтаном, попав Ирке не только на лицо, но и на одежду.

– Прости... – в ужасе прошептала Ирка.

Бэк посмотрел на нее удивленно (он не совсем понял, что произошло) и немного обиженно. Кровь струилась из раны, заливая его белоснежную рубашку. Рубашку было не жалко, а Бэка – очень. Он был такой бледный, такой растерянный и такой... красивый! Ирка тут же забыла про то, что он сам виноват, про безобразную драку, про оскорбления и свою боль – она видела перед собой любимого человека, нуждающегося в помощи...

– Зажми рану, – выпалила Ирка, срываясь с места. – Я сейчас перевяжу тебя! Только надо аптечку найти... а потом обязательно в больницу...

Бэк прижал руку к ране и хотел пойти следом за Иркой, которая бросилась к двери, но у него закружилась голова, он опустился на пол. Сел. Уткнулся лбом в теплую стену камина и закрыл глаза.

Глава 3

Ирка вылетела в холл и заметалась по нему, не зная, куда бежать. От волнения она забыла, где в доме хранится аптечка. Сделав с десяток бестолковых прыжков и потеряв несколько секунд, она наконец вспомнила, что лекарства лежат на подоконнике в кухне – в той, что во флигеле. Попасть в нее можно по черной лестнице – так гораздо быстрее, да и никого из гостей она своим топотом не потревожит.

Сбежав по черной лестнице на первый этаж, Ирка кинулась к закрытой двери кухни. Но в темноте все никак не могла нащупать ручку, которую необходимо повернуть, чтобы попасть внутрь, так что пришлось возвращаться к выключателю, зажигать свет... Наконец Ирка влетела в кухню, отыскала аптечку, схватила ее, открыла, стала рыться... Руки ее дрожали. Пыльцы не слушались. В итоге не удержала – уронила. Баночки, тюбики, пластинки разлетелись по полу. Ирка упала на колени, стала подбирать. Потом сообразила, что ей нужны только бинт и йод, опять все побросала на пол, схватила только необходимое и выскочила из кухни.

Взбежав по черной лестнице на второй этаж, Ирка рванула дверь залы с возгласом:

– Ну, как ты тут?

Бэк не откликнулся.

Ирка перескочила через порог и, оказавшись в зале, увидела, что муж лежит на полу. Лицом вниз. В луже крови.

– Бэк! – сипло выкрикнула Ирка и бросилась к нему. – Бэк, очнись...

Она трясла его за плечо... Хватала за руки... Хлестала по щекам... Но уже знала, что все напрасно – Бэк не очнется. Никогда! Ведь кровь – море крови! – вытекла не из раны на плече. Вернее, не только из нее. На теле Бэка ран оказалось несколько – то ли три, то ли четыре. Но самая страшная на голове – она пробита чем-то тяжелым... Хотя почему «чем-то»? Той самой кочергой, которую минут пять назад Ирка избрала орудием самообороны... Вон она, валяется рядом, поблескивая кровавым глянцем!

– Нет... – прошептала Ирка. – Нет, нет... – Голос ее нарастал по мере того, как в ее сознание проникало понимание случившегося. – Только не это... Нет! – Ирка обхватила себя окровавленными руками за плечи и, по-волчьи задрав голову к заглядывающей в окошко луне, звывала: – Боже, пожалуйста-а-а-а, не-е-е-ет!

И, потеряв сознание, рухнула рядом с мертвым мужем.

Очнулась она только после приезда милиции. А до того лежала без сознания, не реагируя ни на крики сбежавшихся гостей, ни на топот многочисленных ног, ни на Люськины шлепки по щекам, ни на льющуюся на лицо воду – Люсин муж Саша, чтобы привести ее в чувство, обливал ее минералкой: нашатырь-то никто найти не смог, пузырек под батарею закатился.

Но Ирка все же очнулась. Сама! Вдруг ее (или душу ее) как толкнул кто-то, и Ирка открыла глаза. Открыла и тут же зажмурилась, чтобы не видеть лежащего в луже застывшей крови Бэка – ее подняли с пола и перенесли на диван, и с этого места зрелище казалось еще более зловещим.

– Я вижу, вы очнулись, – услышала она голос оперативника, на корточках сидящего возле трупа. – Можете дать показания?

Ирка машинально согласно качнула головой. Оперативник кивнул в ответ и увел ее в соседнюю комнату для допроса.

В то же время его коллеги беседовали с гостями дома. После опроса всех свидетелей картина преступления стала ясна. Супруги Тан очень сильно поссорились после вечеринки – их ругань слышали почти все. Дело дошло до рукоприкладства – один из свидетелей сообщил, что слышал, как супруга покойного кричала: «Отпусти! Мне больно» и «Только подойди! Я тебе, гад, башку разобью!», а после последней фразы звуков ссоры больше слышно не было.

Выходит, гражданин Тан угрозу всерьез не воспринял и подошел. За что «гаду» и разбили-таки башку. Кочергой. На ней и отпечатки имеются.

А одежда супруги покойного буквально залита его кровью (то, что кровь его, впоследствии подтвердили эксперты). И алиби у нее нет – уверяет, что только раз ударила мужа в плечо, а когда его убивали, была в кухне. Но кто это подтвердит? Рассыпанные по полу лекарства – не доказательство! Ко всему прочему только у нее есть мотив. Остальные – люди посторонние, в смерти гражданина Тана не заинтересованные и личной неприязни по причине шапочного с ним знакомства к покойному не испытывавшие.

В итоге Ирка сразу же стала первой подозреваемой. В ту же ночь ее забрали в КПЗ, но утром отпустили и не дергали до суда. Вернее, дергали и еще как: допрашивали, допрашивали, допрашивали... Давили, пугали огромным сроком, статьей за преднамеренное убийство, доводили до истерик своими намеками (с пальца Бэка пропало кольцо, ее подарок, и следователь высказал предположение, что Ирка пыталась создать видимость того, будто убийство было совершено с целью ограбления, да не успела довести задуманное до конца – потеряла сознание). Но в СИЗО не забирали...

А потом был суд... Было обвинение. Осуждение. Заключение под стражу...

При воспоминании обо всем этом кошмаре Ирка поежилась. Пять лет прошло с того дня, когда ей приклеили ярлык убийцы, но боль от несправедливого обвинения никуда не ушла, только немного притупилась. Уняв в себе и ее, и озноб, Ирка прибавила шаг, чтобы поскорее достигнуть заветной цели.

Глава 4

Выйдя к реке, она остановилась у той самой лавочки, на которой сидела в день знакомства с Бэком. Опустилась на нее бочком, прислонилась к спинке, посмотрела на дом... и не поверила глазам. Краснодеревный теремок вновь стал зеленым. А на двери его появилась табличка «Краеведческий музей. Режим работы: вторник – четверг с 10.00 до 18.00». Музей? Их с Бэком дом – теперь муниципальная собственность? Но почему?

И тут Ирка вспомнила, что мама писала ей об этом. Вроде бы после гибели Бэка мэрия через суд аннулировала договор аренды. Дом Егорова вновь отошел государству, и теперь в нем музей.

Ой, и ведь не только музей – еще и банкетный зал! Ирка заметила другую табличку, висящую не на двери, а прямо на стене дома, между двумя окнами: «Банкетный зал. Работаем с пятницы по субботу. С 16.00 до 23.00». Более нелепого соседства придумать было нельзя. Музей и зал для пиршеств в одном здании!

Хотя чему удивляться? Вон в столицах нынешние новые русские свои юбилеи и свадьбы во дворцах справляют. А провинциальные нувориши чем хуже? В егоровском тереме день рождения отгулять тоже недурственно. Есть огромная зала с камином, есть столовая с верандой, есть просторная кухня. А с башни можно фейерверки запускать!

Ирка глянула на свои копеечные электронные часы. Среда. Восемь утра. Музей еще не открылся. Немного помявшись у калитки, Ирка распахнула ее и прошла в сад. Входная дверь была прежней, дубовой, а замок новым. Но будь он даже старым, Ирка не стала бы его отпирать, поскольку дверь оказалась на сигнализации. А вот окна были просто зарешеченными, и то лишь на первом этаже. Поэтому Ирка смело забралась на низкий балкончик и по нему легко вскарабкалась на верхний, а после по карнизу переместилась к окну каминной залы – она знала, что там шпингалет слабый и окно можно спокойно открыть, едва надавив на него...

К счастью, за пять лет шпингалет не поменяли на новый, и бывшая хозяйка без труда попала в дом. Спрыгнув на бревенчатый пол, она перевела дух. Подъем дался ей нелегко (что неудивительно с больной-то ногой), но она быстро отдышалась, успокоилась и стала осматриваться.

Зала изменилась. А все из-за того, что музей устроили именно в ней (под банкетный зал, по всей видимости, приспособили столовую). Опять появились фанерные перегородки, разделяющие ее на отсеки, стеллажи, облезлые письменные столы, на которых были разложены скудные экспонаты: черепки, деревянные ложки, серпы и прочая дореволюционная крестьянская утварь. Но все это находилось в дальнем конце помещения и занимало совсем немного места. Основное же пространство залы оставалось свободным, очевидно, для того, чтоб гуляющим нуворишам было где потанцевать. И покурить у камина – тут стояли и удобный диван, и две напольные пепельницы. Обойдя одну из них, Ирка встала перед черным зевом камина и с облегчением выдохнула. Ничего! Ничего она не чувствует! Ни страха, ни боли. Спокойно, если не сказать бесстрастно смотрит на то место, где лежал мертвый Бэк, рассуждая мысленно о том, что кровь, наверное, пришлось долго отмывать, ведь она впитывается в дерево...

Ирка присела на корточки, провела пальцами по доскам пола. Дерево было ледяным. Дом плохо протапливали, вот он и выстуживался за ночь. И это плохо сказывалось на его состоянии – Ирка видела, что в некоторых местах доски разошлись, а плинтус так сильно покорежилось, что в дырку между ним и полом можно просунуть палец. Что Ирка и сделала. Зачем – сама не знала. Машинально получилось... Но когда кончик ее пальца наткнулся на что-то небольшое, округлое, закатившееся под плинтус, Ирка аж вздрогнула. Еще не видя предмета, она уже знала, что именно нашла. Перстень Бэка! Тот самый, что она подарила ему на день рождения и который бесследно исчез в день его смерти. Следовательно, помнится, предположил, что Ирка

сняла его с пальца убитого ею мужа, чтобы инсценировать ограбление, а оказалось, оно просто слетело с его пальца (Бэк тогда сильно похудел, и кольцо стало великовато) и закатилось под плинтус.

Достав его, Ирка поднесла перстень к лицу. Широкий платиновый ободок был так же блестящ, как и раньше. А вот украшавшая его ромбовидная печатка с верхнего угла (формой она напоминала изображение карточной масти «бубны») оказалась бурой. Ирка облизнула палец и хотела было оттереть грязь, но резко отдернула, сообразив, что это не грязь, а... кровь. Кровь убийцы!

Углы «ромба» были остры и постоянно царапались. Ирка помнила, что сама несколько раз оказывалась жертвой «когтистого» перстня. А уж сколько затяжек на одежде из-за него появилось – не сосчитать! Ирка, помнится, все возмущалась, как же ювелир, изготовивший кольцо, не подумал о том, что выступающий верхний угол будет колотиться, цепляться, и корила себя за то, что сама об этом не догадалась, покупая подарок...

Вихрь мыслей пронесся в Иркиной голове. Обрывчатых, невнятных... Но вдруг ее осенило. Глядя на свою находку, Ирка отчетливо поняла, что решение наконец найдено. Теперь она знает, как будет действовать. Предчувствие не обмануло, ответ на главный вопрос пришел к ней в этом доме. Что ж, Ирка начнет претворять спонтанно родившийся план сегодня же.

Часть 2 (далекое прошлое)

Глава 1

Забравшийся в комнату солнечный лучик пробежался по сомкнутым Иркиным векам, заставляя ее проснуться. Девушка, поморщившись, открыла глаза, глянула на часы. Они показывали половину седьмого, а это означало, что сегодня она недоспала четверть часа – обычно она вставала без пятнадцати семь, за двадцать минут до выхода из дома, и неслась на работу сломя голову... Сегодня можно будет не торопиться!

Одернув пижамную куртку, вечно задирающуюся до самой шеи, Ирка встала и подошла к зеркалу. На нее смотрела стройная сероглазая девушка с длинными темными волосами, приятная, но излишне бледная. Ирка постояла чуточку, изучая свое лицо, но поскольку без макияжа она себе не нравилась, быстро от зеркала отошла.

Наскоро застелив кровать, она вышла в прихожую.

– Редиска, ты чего так рано?

Брат вырос в проходе и, зацепившись пальцами за антресоли, потянулся. Был он заспан, лохмат и полугол – кроме трусов и тапок, на нем ничего не было.

– Прикройся, бесстыдник! – Ирка обошла его и открыла холодильник, прикидывая, чем позавтракать. – Я, конечно, для тебя так навсегда и останусь младшей сестренкой, меня ты не стесняешься, но ведь за мной Люська зайдет! Ты же знаешь, мы вместе на работу ходим!

– Ну и ладно, подумаешь... Трусы-то на мне есть. – Брат сел на табурет, положив вытянутые ноги на другой. – Ирка, чайку завари.

– Эх, Леха, Леха, какой же ты неотесанный... – Она поставила чайник на плиту. – И за что тебя только девушки любят, не пойму.

– Кто за что. Например, за мною неземную красоту, – хохотнул Лешка, а Ирка хлопнула братца ложкой по голове.

В детстве они никогда не дрались. Нет, не то чтобы Лешка жалел свою маленькую сестренку, просто он с ранних лет стремился очаровывать всех женщин без исключения. Зато он прозвал ее Редиской – за ее вечный хвостик на макушке – и приучил всех, в том числе маму, величать ее Ирккой. Нет бы Ириной, Ирочкой или, скажем, Ирусей. В итоге она так привыкла откликаться на Ирку, что, даже став взрослой, не превратилась, например, в Ирэн.

Лешке было двадцать шесть. Он окончил ПТУ, отслужил в армии и уже несколько лет работал в горгазе слесарем, хотя истинным его призванием было донжуанство. Девушки любили его до невозможности. Впрочем, как и он их. Сколько Ирка себя помнила, поклонницы всегда осаждали их подъезд, обрывали телефон и надоедали ей просьбами передать братику привет. Ирка родилась на четыре года позже Лешки, понимать, что к чему, начала в трехлетнем возрасте, и уже тогда, как она помнила, к ее семилетнему брату толпами ходили девочки – якобы заниматься. С тех пор почти ничего не изменилось, разве что поклонницы повзрослели и стали более изобретательны.

Ирка брата обожала, но, пытаясь объективно проанализировать происхождение всеобщей женской страсти к нему, никак не могла понять ее природу. Лешка был самым обычным парнем: ни блестящего ума у него, ни честолюбия, ни даже денег. Хорош, правда, чертяка, но разве в красоте дело? Ирка считала, что смуглая Лешкина кожа, бархатные черные глаза и пепельно-русые волосы еще не повод для всеобщего женского помешательства.

Ирка с Лешкой были совершенно не похожи ни внешне, ни внутренне. В отличие от красавца-брата Ирка хоть и имела довольно привлекательную внешность, но окружающих ею не поражала. В детстве же была просто дурнушкой. Мама даже удивлялась, как она, дама весьма

интересная, могла произвести на свет такого невзрачного ребенка. Успокоилась родительница лишь тогда, когда поняла, что девочка обладает незаурядным умом и хорошей памятью, чем Лешка не мог похвастаться. Красивый сыночек и умница дочка. Нормально.

Ирка с братом родились от разных отцов. Этим-то, пожалуй, и объяснялась их несхожесть.

За Лешкиного папу мама вышла в семнадцать лет по большой любви. Она только окончила школу, собиралась поступать в институт и тут встретила ЕГО.

Звали маминого избранника Маратом. Они познакомились как-то банально, на грядке. Мама Оля, тогда Леля, полола редиску, а Марат проходил мимо. Увидев через частокोल склоненную белокурую головку, он остановился, секунду подумал, а еще через пару уже помогал огороднице в борьбе с сорняками.

Марат не был красавцем. Невысокий, коренастый, чересчур смуглый, но Леля влюбилась сразу, стоило ей заглянуть в его черные очи. К тому же он был совсем не похож на тех парней, с которыми ей приходилось общаться раньше. Те – сопляки, мамыны и папины сыночки, отличники-зубрилки. А Марат! Взрослый, двадцатидвухлетний, самостоятельный парень. Веселый, бесшабашный, с мозолистыми, покрытыми шрамами кулаками... Короче, пропала девушка!

В институт мама, конечно, не поступила. Зато через три месяца после знакомства поняла, что беременна. Пришлось спешно играть свадьбу, на которую родители ни жениха, ни невесты не явились. Первые ни за что не хотели признавать русскую, вторые – самого Марата, который, по их мнению, растлил их невинную дочь, сбил ее с истинного пути и вообще жизнь ей испортил. И те, и другие, надо отдать им должное, помогли деньгами, так что играть свадьбу было на что.

Первое время все было прекрасно. Марат обожал свою женушку, хвалился ею перед друзьями. Да и как такой не хвалиться: высокая, выше его, стройная, коса белокурая до пояса. А когда родился ребенок и у Лели не стало хватать сил ни на что, кроме пеленок и каш, загулял.

Для нее это стало страшным потрясением. Юная супруга все не могла взять в толк, как человек, только утром признававшийся в любви, может вечером не прийти домой. Она плакала, умоляла, взывала к совести мужа. Марат признавал свою вину, клялся, что больше не будет, но неизменно возвращался к своим друзьям и подругам.

Единственной Лелиной отрадой стал Лешка. Милый, веселый ребенок, да еще писанный красавец. Все, кто его видел, только диву давались: надо же как природа благосклонно все распределила – прекрасные татарские очи и смуглую папину кожу присовокупила к светлым волосикам и благородным чертам мамочки. К тому же, как уже тогда можно было догадаться, парень пойдет в русскую родню – вырастет высоким и статным. Леля, кстати, милость природы воспринимала как нечто само собой разумеющееся. Какой же еще должен родиться ребенок от большой любви?

Когда Лешке исполнился год, Марат потерял работу. Он и до того трудился без особого усердия, а после дня рождения сына загулял на целую неделю. Уходил он из дома чуть свет, среди ночи возвращался, падал на кровать и забывался в полуобмороке-полусне. Деньги, которых никогда много не было, закончились. Есть было не на что, одеваться тем более, а ведь Лешка рос и требовал все больших затрат. Покручинившись, Леля решила пойти работать – надо же было кормить сына и мужа. Мысли о разводе она не допускала – с любимыми не разводятся. Она по молодости-глупости еще надеялась, что Марат одумается, бросит пить, устроится на работу и все у них будет как у людей.

Ее мечтам не суждено было сбыться. Марат, горячая голова, по пьянке ввязался в драку, проломил кому-то голову и, оказав сопротивление стражам правопорядка, угодил за решетку. Леля порывалась исполнить свой супружеский долг – насушить сухарей и отвезти милому, но тут родители проявили твердость, посадили взбалмошную дочку под домашний арест, пока не

перебесится. Заточение пошло на пользу. Через две недели Леля огорошила супруга сообщением, что намерена развестись с ним.

С тех пор у молодой мамы жизнь пошла спокойная, размеренная. Леля поступила в техникум химической промышленности на заочное отделение, а когда Лешке исполнилось два года, пошла работать лаборанткой в школу. Все было прекрасно и вроде бы всех устраивало. Но, как потом выяснилось, Лелин папа не был до конца уверен в благоразумии дочки, а потому задумал выдать ее замуж. И в их доме в один прекрасный день появился Шурик – тридцатилетний холостяк, работавший в отцовском НИИ научным сотрудником.

Ухаживал Шурик по-джентльменски – ни разу не пытался Лелю поцеловать, зато говорил кучу комплиментов и читал стихи. Через полгода девушка к нему привыкла настолько, что неявку в назначенный день расценивала как предательство. Дальше больше – ей уже начали нравиться его большие серые глаза, приятная улыбка и длинные пальцы. Он, правда, совсем ее не волновал как мужчина, но это не помешало ей выйти за него замуж.

Ровно через девять месяцев Леля родила дочь. А через девять лет осталась вдовой – Шурик умер от сердечного приступа на работе, хотя никогда на здоровье не жаловался. Домашние горевали очень умеренно. Жена так и не смогла полюбить супруга даже чуть-чуть, дочь чуть-чуть любила, но скорее потому, что отца вроде положено любить, сын приемный всегда взирал на отчима с удивлением, будто не мог понять, что делает этот мужик в их доме. Для всех Шурик так и остался чужим. Единственным, кто по-настоящему скорбел по нему, был Лелин отец, который нашел в зяте сына, о котором всю жизнь мечтал.

Глава 2

Ирка сидела в своем рабочем кабинете перед компьютером и пыталась сляпать из двух таблиц одну, а так как делала она это по самоучителю, у нее ничего не получалось. Проблема заключалась в том, что по складу ума она была чистым гуманитарием, а работала бухгалтером в мэрии. Дебеты да кредиты сводили ее с ума, документы она терпеть не могла, компьютер не понимала.

Ирка всегда мечтала работать в редакции какого-нибудь печатного издания – лучше всего в журнале, но можно и в газете. Ей хотелось сочинять броские заголовки, ездить в разные города за материалами, общаться с интересными людьми. Мама, зная мечту дочери, предлагала ей попробовать поработать в местной газете, но Ирка с негодованием предложение отвергла: в такой печататься – себя не уважать, лучше бухгалтерия.

Ирка отогнала грустные мысли, отодвинула документы и решила чайку попить. В конце концов, за такую зарплату можно и побездельничать. Вдруг дверь со страшным грохотом распахнулась, и в кабинет подобно урагану ворвалась Люся, еще одна бухгалтерша, ее подруга.

– Слышала, кто к нам приезжает? – возбужденно зашептала она, плюхнувшись на стул. – Сам Себровский!

– Медиамагнат, что ли?

– Ну конечно! А ты что, другого знаешь?

– Я-то нет, а вот у тебя знакомых полно, может, твоего очередного поклонника так зовут.

– Ой! Вот бы здорово было! Слушай, а это идея, Ирка. Он приедет, меня увидит и упадет, конечно...

– Эй, попрिдержи коней! – оборвала Люськин треп Ирка. – Чего он у нас-то забыл?

– Да он же по нашему округу в Думу баллотируется, ты разве не знаешь? Вот и приезжает людей агитировать. Завтра мы всей мэрией будем его встречать. Хлеб-соль, то, се... Кстати! Каравай гостю мы с тобой подносить будем.

– Почему именно мы? – удивилась Ирка.

– Так ведь мы с тобой здесь самые красивые.

Говоря так, Люська сейчас явно подруге льстила. Себя она считала королевой не только мэрии, но и города, о внешности же Ирки всегда была не очень высокого мнения. Она считала, что подруга мало красится, чересчур скромно одевается и цвет волос выбрала дурацкий – темно-каштановый, хотя могла бы, как Люська, осветлять их, чтобы выглядеть сногшибательно.

– Предположим, буханку мы с тобой вынесем. А дальше? Думаешь, он вроде наших провинциальных валенок сразу пустит слюни при виде твоих прелестей?

– А что он, не мужик? – горделиво спросила Люся и повела плечами.

– Мужик, – согласилась Ирка, – но только у него таких, как мы с тобой, что грязи. Да все фотомодели столицы к его услугам! Ты ему зачем?

– Модели там, а я здесь. К тому же ему, может, воблы худосочные вовсе и не нравятся. – Люся подбежала к зеркалу. Покрутилась. – Не знаю теперь, во что одеться. Надо сногшибательно-сексуально.

– Так ведь у тебя все вещи сексуальные, чего переполошилась?

– Это да, – довольно улыбнулась Люська. – А ты в чем придешь?

– Не знаю. Может, так, как обычно.

Люся с сомнением посмотрела на Ирку. По ее разумению, простая черная юбка и серая водолазка совсем не соответствовали торжественности случая.

– Дело, конечно, твое, но я бы надела что-нибудь поярче.

– Я даже не сомневаюсь.

– И накрашилась.

– И перекрасилась. Ты же представить не можешь, как можно жить на свете не блондинкой, – хмыкнула Ирка и махнула на подругу рукой: – Иди уже, готовься!

Люська унеслась, а Ирка осталась размышлять. В одном подруга была права – она мужчинам нравилась. Пухленькая, невысокая, с жидковатыми белыми волосами, маленькими, жирно подведенными черным карандашом голубыми глазами, Люська неизменно была окружена массой поклонников. Правда, при таком количестве страдало качество, но попадались иногда и неплохие мужики. Последний, например, имел хороший автомобиль и дорогой гардероб. Ирка же мужчинам не нравилась. Вернее, нравилась, но не тем.

Тенденция наметилась еще в школе, когда в нее влюблялись только тихие и скромные мальчишки, тогда как ей хотелось, чтобы за ней волочились самые отъявленные хулиганы (видимо, сказывалась дурная мамочкина наследственность). В студенческие времена стало еще хуже – в институте в нее вообще никто не влюблялся. На их курсе учились в основном девушки, а те немногие юноши, что избрали для себя занятие филологией, увлекались более яркими одноклассниками. Ирка проучилась, никем из сильного пола не замеченная, четыре года и вдруг влюбилась. Ее избранником оказался географ с пятого курса, в меру умный, в меру красивый, зато хороший спортсмен. У него был один огромный недостаток – увлечение самой красивой девушкой университета Ольгой Шараповой. С ней Ирка тягаться не могла, но все же попробовала.

Для начала она пересмотрела свой гардероб (в нем ничего, кроме брюк и свитеров, не оказалось) и пришла к выводу, что его надо срочно поменять, что она и сделала, заменив джинсы короткими юбками, а свитера – обтягивающими кофточками. Потом перекрасила волосы из блекло-русых в темно-каштановые, немного их подрезала и завила концы. Завершилось перевоплощение несколькими мазками косметики, благодаря которым появились брови, ранее на лице не просматривавшиеся, глаза и губы очень неплохой формы. Ирка сама поразила своему новому облику. Оказалось даже, что фигура у нее несколько не хуже, чем у Шараповой.

Фурора она, конечно, не произвела. Хуже того – тот, для которого она старалась, ее так и не заметил, зато на улице к Ирке начали приставать парни, а один даже не на шутку влюбился. Он был милым мальчиком из политеха. Умным, скромным, аккуратным. Таким, как ее папа. Дружили они полтора года, а потом Ирка с ним без сожаления рассталась, а так как ухажер не знал ее адреса (во время учебы она жила в общежитии), больше они не виделись.

В двадцать два Ирка вернулась домой. В школе работать не пожелала, газеты, достойной ее внимания, в городе не нашлось, и Ирка, окончив быстренько бухгалтерские курсы, устроилась в мэрию под крылышко дедушкиного друга.

Личная ее жизнь не заладилась здесь с самого начала. Внимание на девушку обращали либо престарелые плейбои, либо наглые молокососы, а подходящие мужчины плескались, так сказать, в чьем-то чужом пруду. Пару раз Ирка заводила интрижки – сначала с шофером, но тот был женат, а потом с охранником. С последним она даже переспала от отчаяния, что так и останется девственницей до пенсии. Секс ей понравился, но не сильно, поэтому, повстречавшись два месяца с парнем, она дала ему от ворот поворот. Наглый охранник даже не расстроился, зато Ирка, уязвленная таким равнодушием, решила больше по пустякам не размениваться и не спать с кем попало даже с отчаяния.

Такие малоприятные воспоминания и несладкие думы по поводу неудавшейся личной жизни лезли в Иркину голову весь этот день. Наконец рабочее время закончилось, она вернулась домой, поужинала. Горькие мысли не покидали: ни тебе любимой работы у нее, ни денег, ни мужика нормального. Сплошная серость кругом!

Ирка открыла шкаф. Из немногочисленного своего гардероба ей надо было выбрать что-то более или менее приличное, соответствующее тому, чтобы показаться завтра пред очами

столичного гостя. Количество вещей в шкафу ее не устроило. Разве столько должно быть у настоящей женщины?

В дверь постучали.

– Братеньник, не деликатничай, заходи.

Лешка вошел. Внимательно осмотревшись, сел.

– Куда намылилась?

– Встречать дорогого гостя. Но не сейчас, а завтра. Вот выбираю, во что одеться.

– Ясно во что – вот в это! – И Лешка ткнул пальцем в переливающуюся черную кофту с большим вырезом.

– Я не могу прийти на работу в блестках и с разрезом до пупа. Мэрия как-никак. Надо что-то поскромнее. Но не слишком будничное.

– Да ну тебя! – отмахнулся от нее брат. – Сама все знаешь лучше меня. Пойду-ка я лучше прошвырнусь.

– Кстати, куда мы направляем свои божественные стопы? – Ирка оглядела брата с ног до головы. Безупречен от и до. Волосы в беспорядке, но каком-то классическом, длиннющие ресницы отбрасывают тень на смуглые щеки, рельефные мышцы угадываются даже под поношенным серым свитерком. Аполлон. Только плохо одетый. К тряпкам в отличие от сестры он был равнодушен.

– На свидание. – Лешка направился к двери.

– С кем? – допытывалась Ирка, следуя за братом по пятам. Ей не терпелось узнать имя его очередной жертвы.

Лешка хитро посмотрел на сестру и, обронив лишь «секрет», вышел из квартиры.

Ирка вернулась к своим тряпкам. После часа размышлений она выбрала черную юбку с разрезами по бокам и бордовую, так шедшую к волосам, трикотажную кофточку с у-образным вырезом, а к ней косынку из шелка на шею. Примерив все это, осталась собой довольна, после чего отправилась спать.

Глава 3

В приемной мэра стоял невообразимый гвалт. Сотрудники и сотрудницы обменивались репликами, не переставая бегали с этажа на этаж, постоянно что-то приносили, уносили, мэр кричал и нервничал – ему казалось, что еще не все готово к встрече дорогого гостя. Свою лепту в общий хаос внесла и Люся, которая то перекладывала каравай с места на место, то подкрашивала и без того красные губы, то снова обрызгивала лаком и без того склеенные в шар волосы. А иногда она дергала ногой.

– Ты чего, как застоявшаяся кобыла, копытом бьешь? – спросила Ирка весело. Ее вся эта суэта нисколько не волновала. Старайся, не старайся, а городок их как был дырой, так и остался, сколько не крась заборы свежей краской и не асфальтируй главную улицу.

– Чулки щекочутся, – пояснила Люся и в очередной раз дернула.

– Так какого черта ты их надела?

– Ну ты темная! У них же в столице принято ходить в чулочках. – Люся одернула супер-короткую юбку из дерматина и засеменила к двери со словами: – Пойду, что ли, на улицу, покараулю...

Ирка была рада остаться наедине со своими мыслями. Она села поудобнее и попыталась представить, каким окажется на самом деле господин Себровский. Ирка видела его несколько раз по телевизору, и на экране он смотрелся прекрасно – около сорока, подтянутый, голубоглазый и темноволосый. К тому же сказочно богатый и прекрасно образованный. Чудо, а не мужчина. Ирка готова была поклясться, что в жизни он окажется не таким душкой и, как пить дать, низкорослым и сутулым.

Себровский был личностью примечательной. Деньги начал делать, как знала Ирка, в довольно юном возрасте. Будучи еще студентом МГУ, он подфарцовывал, потом перешел на выпуск пиратских аудиокассет с зарубежной музыкой, за что чуть не сел. А перед самой перестройкой, поговаривали, даже держал подпольный бордель. Эта коммерческая деятельность могла бы кончиться для талантливого предпринимателя большим сроком, если бы не начались вовремя горбачевские реформы. Уж после них он развернулся в полную силу. Сначала открыл собственную студию звукозаписи (старые пристрастия не забывались), потом создал молодежную газету, позже приобрел радиостанцию, а концу девяностых ему уже принадлежала огромная медиаимперия, включающая пять журналов, два телеканала, с десятков газет, три рекламных агентства и контрольный пакет нескольких предприятий, никак с основной областью не связанных. И вот теперь медиамагнат, столичная штучка, решил отправиться во власть с помощью Ирки и прочих жителей города Ольгино и его окрестностей...

В комнату вбежала запыхавшаяся Люся:

– Едет, братцы! На трех джипах, как король!

Все высыпали на крыльцо. Первой оказалась Люся с караваем в руках, умудрившаяся в запале оттеснить даже мэра. Джипы подъехали. Из машин первыми вышли шкафообразные охранники, потом верткий секретарь и какие-то парни с листовками, а уж последним показался его величество Игорь Себровский, собственной персоной.

У Ирки перехватило дыхание. Такого роскошного мужчину она видела вблизи первый раз в жизни. Дело даже не в том, что он оказался высоким и статным, и даже не в его блестящих каштановых волосах – Себровский был настолько элегантен, что даже их мэр, известный пижон, на его фоне смотрелся как бедный родственник. Голубая, под цвет глаз, рубашка, серебристый с отливом костюм, дорогуший галстук в полоску, тончайшей кожи ботинки. Ко всему прочему безупречный маникюр, прическа волосок к волоску и белые зубы.

– Сказочный мужик! – взывала Люся, и на этот раз Ирка с ней была полностью согласна.

Потом начались многочисленные встречи, на которые мэр отправился с Себровским. Все разошлись по своим рабочим местам, кроме Люськи, которая, расположившись напротив Ирки, делилась впечатлениями:

– Ты видела, как он на меня посмотрел?

– Видела.

– Ну и как?

– Да никак. Мы для него все на одно лицо. Избиратели.

– А я тебе говорю, он на меня глаз положил. Вот увидишь, на банкете приставать начнет.

– Ты-то что на банкете забыла? Хлебца твоего он уже откусал. Без особого, между прочим, удовольствия.

– Так мы же с тобой там будем тарелки подавать!

– Что еще за новости? – воскликнула Ирка. – Не пойду я ни на какой банкет. Я не официантка. Я обязательно что-нибудь уроню или разолью... да еще, не дай бог, на дорогого гостя...

– Ты что, хочешь, чтобы за столом прислуживала тетя Сима с пропитым лицом или Дуся-повариха? Банкет в нашей столовой будет проходить, а там самообслуживание. Нет там официанток, понимаешь?

– Не буду, и точка! – отрезала Ирка.

Но через два часа, поддавшись на уговоры самого мэра, она все-таки поплелась в столовую.

Банкет проходил в атмосфере взаимной любви и приязни. Мэр нахваливал Себровского, Себровский – мэра, остальные и того и другого. Ирку от всего этого тошнило, ей хотелось, чтобы банкет поскорее закончился и она смогла наконец пойти домой. Люся, как ни странно, разделяла желание подруги. Поняв, что гость остался к ней равнодушен, она потеряла всякий интерес и к самому Себровскому, и к банкету, устроенному в его честь.

Ирка стояла в уголке, пытаясь поймать взгляд мэра – вдруг сжалится и отпустит. Неожиданно за спиной вырос вертлявый секретарь.

– Скучаете, сударыня?

– А вы хотите меня развеселить? – не слишком любезно поинтересовалась Ирка. Этот мужичок ей не нравился.

– Нет. Я пытаюсь завязать непринужденный разговор, в процессе которого мне выпадет возможность пригласить вас в гости.

– В какие еще гости? Вы здесь сами в гостях. Что вы мне голову морочите? С братками своими, – Ирка кивнула на здоровенных секьюрити, – в баньку собрались и вам девочки нужны? Я не поеду, спасибо за приглашение.

– Вы, девушка, не поняли. Вас приглашают провести этот и следующий день в славном городе Н-ске. Ночевать вы будете в пятизвездочном отеле, утром позавтракаете в лучшем ресторане, пообедаете там же, а вечером на машине вас отвезут домой.

– И от кого же исходит сие лестное предложение?

– А вы еще не поняли? – удивился секретарь. – От Игоря Андреевича Себровского.

Ирка сидела в номере отеля, куда ее привез на машине молчаливый охранник, и с интересом оглядывалась. В столь изысканном месте ей раньше бывать не приходилось. Трехкомнатный номер поражал великолепием обстановки – бархатные портьеры, мебель из красного дерева, огромные фарфоровые вазы с букетами роз. Все, даже цветы, глубокого бордового цвета.

В номере Ирка была одна. Она сидела в просторном кресле и потягивала коньяк из пузатого бокала. Перед ней стоял поднос, где, кроме бутылки, имелись ваза с фруктами и плитка швейцарского шоколада. Ирка подумала, что все эти изыски отдала бы сейчас за кусок обычной вареной колбасы – она умирала от голода. Себровский, дававший в настоящее время послед-

ние указания своим помощникам, распорядился подать ей бренди, даже не подумав о том, что она может элементарно хотеть есть. Решил, видно, что и ее на банкете покормили.

Ирка, чтобы хоть как-то притупить голод, съела банан, как самый сытный из фруктов, и задумалась. Чувствовала она себя очень неудобно. С одной стороны, не знала, как себя вести, когда Себровский вернется, с другой – боялась, что он отнесется к ней не по-джентльменски: все-таки повела она себя как последняя шлюха, согласившись, не ломаясь, приехать сюда. Самое же смешное – она понятия не имела, что будет делать, когда окажется с ним в постели. Ирка тихонько рассмеялась (коньяк, видно, начал действовать) – вот господин Себровский удивится: он-то надеялся уложить в койку искушенную в любви девушку, а получит почти девственницу!

Дверь отворилась. Себровский, свежий, будто и не было многочасового предвыборного марафона, влетел в комнату.

– Скучаешь? – осведомился он и сел в кресло. Красивый мужчина с тихим голосом, уверенный в себе и до неприличия богатый.

– Угу.

– Как бренди? Нравится?

– Угу.

– Ты чего, как филин, угукаешь?

– Боюсь.

– Меня, что ли? – рассмеялся Себровский.

– Угу. То есть не совсем вас. Ситуация не слишком для меня привычная, – выпалила Ирка и замолкла.

– Я уже понял, что ты не из тех девочек, которые только и ждут приглашения провести с кем-нибудь вечерок.

– Правда? – Ирка удивилась. – А я думала, вы приняли меня за эдакую легкомысленную особу, готовую на все.

– Если бы мне понадобилась такая, я бы пригласил ту куклу с караваем.

– Люсю? – Ирка засмеялась (определенно коньячок помогал в общении). – Она, между прочим, очень на это надеялась.

– Я понял. Но мне нужна девушка другого сорта. Более, скажем так, интеллектуальная.

– Так вам о поэзии поговорить хочется? Или о театре? Что ж, это я всегда пожалуйста, это я могу. Зато все другое делаю гораздо хуже.

Себровский развязал галстук, поморщившись, потер шею.

– Во-первых, хватит уже мне «выкать». Меня зовут Игорь. Во-вторых, хочу я от тебя не только разговоров, но и... сама понимаешь... Хотя, если ты не захочешь, принуждать не буду. В-третьих, завтра день у меня не так загружен, и я хотел бы провести его в компании привлекательной и неглупой девушки, чтобы за обедом она не просто слушала меня с открытым ртом, но и принимала участие в разговоре. И в-четвертых, я терпеть не могу глупых баб, хотя бы потому, что от них потом не отвяжешься.

– Ну что ж, – кивнула Ирка, – Игорем тебя называть я согласна, болтать за обедом тоже, а отвязаться обещаю не позднее чем послезавтра.

– Умница. – Себровский по-мальчишески улыбнулся. – А я было испугался, когда ты заукакала.

– Давай плечи помассирую, – предложила Ирка.

Себровский с благодарностью кивнул и закрыл глаза. После того как она приступила, спросил:

– Давно живешь в Ольгино?

– Всю жизнь.

– Нравится?

- Земля обетованная для тех, кто хочет умереть от скуки.
- А мне кажется, что в маленьких городках есть своя прелесть.
- Прелесть есть, но для таких, как ты, жителей мегаполисов. Мы же просто тухнем.
- Ну а работа тебе твоя нравится?
- Не-а.
- Платят, что ли, хорошо?
- Сто долларов в месяц. – Вот тут Ирка соврала – платили ей семьдесят пять.
- Сколько? – хохотнул Себровский. – И что, на сотню можно жить?
- Как видишь. – Ирка закончила массаж, налила ему и себе выпить, села в облюбованное

еще час назад кресло.

Себровский пристально посмотрел на девушку. Она ему определенно нравилась. Привлекательная, с хорошей фигурой и правильными чертами, интересная, веселая, хорошо воспитанная. Именно таких он предпочитал всем остальным. Ему постоянно приписывали романы с самыми яркими моделями, но ни с одной из них он так и не переспал. Не только потому, что считал их слишком поверхностными, но и потому, что им очень нравилось привлекать к себе внимание, он же старался скрывать свои интрижки. Дело в том, что он любил свою жену и изменял ей скорее по необходимости.

Женился Игорь рано – в двадцать один год. Его избранница, Алла, училась с ним в одной группе, была лучшей студенткой, первой красавицей и дочкой партийного босса. Себровский заметил ее сразу, она же обратила на него внимание только на втором курсе, хотя, видит бог, он из кожи вон лез, чтобы произвести на нее впечатление. До этого красавчик Игорек не знал проблем в любви, девушки, привлеченные если не его внешностью, то отцовскими связями или профессорской квартирой в центре, пачками падали к его ногам, но Алла...

Помог несчастному влюбленному случай. В один весенний день они всей группой выходили из университета, как вдруг услышали тихий писк – жалобно мяукал рыжий котенок в кустах. Первым наклонился к малышу Игорь – поднял котенка, прижал к груди и погладил за ушком. Найденыш сначала с перепугу вцепился острыми коготками ему в плечо, а потом, успокоившись, тихо замурлыкал. Алла, наблюдавшая сцену со стороны, подошла к Себровскому, взяла из его рук котенка и, бросив на ходу: «Назовем его Рыжиком», пошла к ожидающей ее машине. Потом обернулась и кивком позвала следовать за собой. Именно с той минуты, как она потом рассказывала Игорю, Алла увидела в нем человека, а не только расфуфыренного «мажора».

Они встречались поначалу в основном в университете, подолгу просиживали на крыльце, разговаривали. Ближе к лету, когда вечера потеплели, бродили допоздна по Москве, а с наступлением каникул стали выезжать на его дачу в Мамонтовке. Отношения у них складывались прекрасные, Алла была очень милой девушкой – своей принадлежностью к советской элите она не бравировала, хотя в ее разговоре постоянно проскальзывали имена известных артистов и писателей, которые были завсегдатаями их дома, что приводило Игоря в замешательство. Сам он всегда гордился своим происхождением – оба его родителя были потомственными учеными, но в их квартире, кроме профессоров и академиков, никто не бывал. Деньги в доме водились всегда, однако тратились в основном на книги, а не на антиквариат, машина же, на которой передвигались все члены семьи по очереди, была обыкновенной «Волгой».

Поначалу все это не слишком огорчало Игоря, но однажды, совершая очередную прогулку, они зашли в ресторанчик на Арбате. Парень и раньше в нем часто бывал со своими многочисленными подружками – брал им шампанского, пару пирожных, себе рюмочку коньяка и бутерброд с икрой, после чего чувствовал себя очень важным и богатым кавалером. И сейчас Игорь решил действовать так же, но Алла от шампанского отказалась. Заказала себе дорожный «Мартини» и диковинные по тем временам маслины. Причем без всякого умысла – ей и в голову не могло прийти, что кому-то не по карману такая мелочь, как вермут. После третьего,

выпитого Аллой бокала Игорь забеспокоился – денег у него осталось только на трамвай, а если девушка захочет еще и перекусить, то ему придется с позором признаваться в своей материальной несостоятельности. К счастью, в баре завязалась потасовка, и им пришлось спешно покинуть заведение, так что в тот день все закончилось благополучно – Себровский лица не потерял. Но урок запомнил надолго.

Именно после того случая Игорь и занялся фарцовкой, ремеслом по тем временам опасным, но прибыльным. Зато теперь он мог, больше не опасаясь конфуза, водить свою девушку в любые рестораны. Через год Алла познакомила его со своими родителями, которым он и его родословная очень понравились, а еще через год они зарегистрировались.

Себровский был женат уже шестнадцать лет, но он даже мысли не допускал о том, что может унизить или оскорбить свою жену. Аллочку он любил, баловал, помогал ей во всем и зарабатывал для нее огромные деньги, потому что роскошь была для нее привычным атрибутом. Но иногда, когда жена была далеко, он позволял себе невинные интрижки, безошибочно определяя девушек, которые не создадут ему проблем. Одна из таких сидела напротив него...

– Хочу предупредить сразу, – выпалила вдруг она. – Опыта у меня мало.

– И сколько же мужчин у тебя было?

– Один, – честно ответила Ирка.

– Девочка, я же жениться на тебе не собираюсь, скажи правду.

Ирка вздохнула. Конечно, он ей не поверил. Где это видано, чтобы в конце двадцатого века девушка, разменявшая третий десяток, имела только одного сексуального партнера.

– Ладно, уговорил. Двое их было, но один не считается, с ним было всего один раз, – соврала Ирка.

– Может, прибавишь для правдоподобия хотя бы парочку?

– Ну уж нет! Два, и точка.

Себровский, развалившись вольготно в кресле, хитро на Ирку поглядывал, ждал, наверное, от нее каких-то действий. Та же, на мгновение отрезвев, испугалась. А вдруг он извращенец? Привяжет сейчас к батарее и станет плеткой стегать. Ирка украдкой посмотрела на Игоря. Его вид ее успокоил. Вальяжный, расслабленный и улыбается по-кошачьи. У садистов, скорее всего, совсем другие лица, более хищные.

– Подойди, пожалуйста, – чуть охрипшим голосом позвал Себровский.

Ирка поняла, что сейчас начнется то, ради чего, собственно, ее сюда привезли и, скормив себе: «Спокойно», шагнула к Игорю навстречу.

Глава 4

Ирка проснулась от шороха. Открыла глаза, с недоумением огляделась. Где она? Обстановка незнакомая: обитые велюром стены, на них пейзажи в золоченых рамах, полированный комод у кровати, с красующимся на нем пузатым ангелочком из фарфора, тяжелые портьеры, не пропускающие ни единого лучика...

– Ты что так рано проснулась? Спала бы еще.

Ирка обернулась и в полумраке различила силуэт Игоря.

– Сколько времени? – спросила она, приподнимаясь на кровати.

– Восемь, – ответил он. – Есть хочешь? – Ирка кивнула. – Я распоряжусь, чтобы тебе принесли завтрак. Или хочешь пообедать в ресторане?

– Конечно, в ресторане. Вашей буржуйской жизнью мне жить осталось всего день. Так что будет все на полную катушку.

Себровский подошел, присел с Иркой рядом, слегка коснулся губами ее щеки.

– Ты славная девочка. – Потом деловито добавил: – Я освобожусь к обеду, полдня в твоём распоряжении. – Себровский встал, порылся в бумажнике. – Вот тебе моя кредитка. Походи по магазинам, купи себе пару платьев. Здесь недалеко бутик «Прада», наверняка есть и другие.

– Ты чего это? – Ирка почему-то испугалась, ей никогда не давали денег «за просто так». Прошедшую ночь она не считала за услугу, желание, в конце концов, было обоюдным. – Не надо, Игорь, я же не из-за денег с тобой...

– Не разочаровывай меня. Я знаю, ты девочка благоразумная, поэтому должна понимать, что какая-то штука баксов, – Ирка, услышав сумму, широко раскрыла глаза, – меня не разорит. Бери, пока дают. Наслаждайся буржуйской жизнью. – Он чмокнул ее на прощание и вышел.

Ирка прилегла и, уставившись в лепной потолок, задумалась. Чего только в жизни не бывает! Вчера в то же время она ломала голову, где раздобыть десять долларов на помаду, а сегодня у нее денег в сто раз больше. Позавчера же она корила судьбу за то, что не нравится мужчинам, а сегодня ночью один из самых роскошных российских мужиков делил с ней постель. Правда, любовником Себровский оказался посредственным, но это лишь доказывало, что нет в мире совершенства.

Она выскользнула из постели, потянулась. Сказочный день начался!

Ирка вышла из отеля в десять. Плотно позавтракав, она спустилась с высокого крыльца и пошла по направлению к бутику, рекомендованному Себровским. Сначала она хотела быстро отовариться парой платьев, как было велено, но, увидев цены, передумала. Дизайнерские вещи – это, без сомнения, здорово, но куда она их будет носить? Пусть дорогие шмотки покупают жены новых русских, а работающим девушкам надо кое-что попрacticalнее.

К тому же Себровский что-то напутал – на штуку баксов пару платьев здесь приобрести вряд ли удастся, разве что сарафанчик и юбку. И то по распродажной цене.

Ирка решительно вышла из магазина и взяла такси. Через пятнадцать минут она стояла у торгового центра с многообещающим названием «Все», где можно было приобрести как дорогие вещи, так и китайский ширпотреб, но по очень выгодной цене. Здесь на тысячу долларов она накупила кучу одежды, умудрившись обзавестись даже кожаным пиджаком (он обошелся ей в ту же сумму, что и шарфик от Лауры Биажотти).

Без четверти час она влетела в номер и, срывая на ходу одежду, побежала в душ. Затем нанесла на лицо косметику, надела платье, сапоги, кожаный пиджак, повязала шарфик и села ждать.

В половине второго за Иркой зашел шофер Себровского, сопровождал до машины, после чего отвез ее в расположенный на набережной ресторан «Баржа». Игорь уже ждал ее за столиком. Они не спеша пообедали, разговаривая о всяких пустяках, а часа через два отправили-

лись в отель. В номере уже горел камин, на журнальном столике стояло шампанское во льду, а из проигрывателя лилась медленная музыка. Они посидели немного, обнявшись, наблюдая за танцем огня, а потом занялись любовью на пушистом ковре под уютное потрескивание поленьев в камине.

Когда часы с ангелочком пробили шесть раз, она села в машину и, помахав рукой грустным атлантам, поддерживавшим портал входа в гостиницу, отправилась домой.

Глава 5

Себровский выборы выиграл. Правда, газеты захлебывались возмущением, заявляя открытым текстом, что результаты сфальсифицированы. Политические противники грозились подать в суд, распространяли листовки, собирали подписи против новоявленного думца. Себровский наблюдал за всей этой суетой с невозмутимостью слона, облаянного Моськой, он прекрасно понимал, что буря скоро уляжется. К тому же оппоненты дальше угроз не заходили, осознавая, насколько разные у них весовые категории.

А в день накануне выборов Ирка вновь встретила с ним. Был ранний субботний вечер. Она вышла на улицу, чтобы позвать кота, и увидела, как к подъезду приближается знакомый джип. Когда машина остановилась, из него показался водитель Паша. Он подошел к Ирке и вежливо произнес:

– Не желаете ли провести вечер с Игорем Андреевичем? Он очень просит.

Быстро собравшись и навав маме про встречу с очередной институтской подружкой, Ирка вышла из дома и нырнула в машину. Ехали долго, так долго, что она успела о многом подумать. Например, о том, зачем Себровскому их роман, и о том, что он ему дает, кроме сексуального удовольствия, которое, если судить по его умеренным потребностям и таким же возможностям, для него не так уж и важно. А может, он в нее влюбился? А что, всякое бывает. Разве она любви недостойна? Достойна, конечно. Ну и пусть он миллионер, а она обычная бухгалтерша. Вот Билл Гейтс побогаче его будет, а в жены взял секретаршу. Да и о Золушке забывать не стоит...

Короче, в голове был полный сумбур, и, когда вдали показалось знакомое здание отеля, Ирка обрадовалась, что думать больше некогда.

Ее провели в тот же номер. Камин был зажжен, как и в прошлый раз, на столике стояла бутылка коньяка, а в кресле в атласном халате полулежал Себровский.

– Приехала? Хорошо. – Он встал, помог ей снять куртку. – Я рад тебя видеть.

– Я тоже. Но, признаться, немного удивлена.

– Почему?

– Ты сам настаивал, чтобы я тебя забыла.

– Я передумал. Хочу, чтобы ты была со мной сегодня и завтра. Хотя завтра из меня не выйдет радушного хозяина, я буду пропадать в штабе, но разок приеду сюда, к тебе, чтобы выпустить пар... – Он немного виновато улыбнулся: – Ничего, что я так откровенен?

– Ничего, – улыбнулась в ответ Ирка, а по сердцу все же царапнуло – так не вязалось циничное приглашение провести вместе ночь с тем, о чем она мечтала еще недавно в машине.

– Посмотри, что я заказал тебе поесть. – Игорь сдернул салфетку с огромного блюда, которое Ирка сначала не заметила. – Лягушачьи лапки. Ты говорила, что мечтаешь их попробовать.

– Ой! Можно я сначала выпью для храбрости?

– Все, что угодно, леди. – Он налил ей коньяку, а потом устроился на полу и стал наблюдать, как она ест.

Спать легли под утро. Проснулась Ирка к обеду. Игорь-то унесся в штаб с самого утра, а она долго нежилась в постели, кушала деликатесы, смотрела телевизор.

К вечеру стало ясно, что выборы Себровский выиграл. Сколько мальчишеской радости Ирка увидела в его глазах, когда он, примчавшись, чтобы переодеться (пар он так ни разу за день не выпускал!), сообщил об этом. Потом, правда, выяснилось, что на пятки ему наступал один кандидат от власти, но в тот день ничто не омрачало настроения почти состоявшегося думца. Он бегал по номеру, пел и хлебал шампанское прямо из горлышка.

– Игорь, не будь ребенком, уймись, – пыталась урезонить Себровского Ирка. Она даже не предполагала, что для него так важна победа. – Я думала, тебе мандат нужен только для того, чтобы получить депутатскую неприкосновенность...

– Ты абсолютно права, деточка. Но! Любая победа – повод для радости, тем более такая значительная. Да я теперь таких дел натворю! – Он обхватил Ирку за плечи. – Проси чего хочешь, пока я добрый.

– Самолет, – пошутила она.

– Самолет у меня у самого один. Проси чего-нибудь поскромнее – шубу норковую или кольцо с бриллиантом. Может, путевку на Канары?

– Дай мне лучше работу, – выпалила она вдруг.

– Ты что, в Москву решила переехать?

– Почему нет? Я всегда мечтала жить в столице...

– Хорошо, ты получишь работу. Приезжай через неделю в мой офис, я подумаю, куда тебя направить...

Через неделю Ирка, как было велено, приехала в Москву и явилась к Себровскому в офис.

Встретил он ее довольно сдержанно, как будто уже жалел о данном когда-то обещании.

– Где бы ты хотела работать? – сухо спросил он после краткого приветствия.

– В рекламном агентстве «Профи ТВ».

Игорь кивнул головой и потянулся к телефону. Сделав несколько звонков, он деловито сообщил:

– Работать пока будешь секретарем в сценарном отделе, больше вакансий нет. Зарплата триста долларов.

– Так мало?

– На своей прежней работе ты получала сто и была счастлива.

– Но я не в Москве жила. Здесь на такие деньги...

– Если тебя останавливают трудности, не стоит даже думать о переезде в столицу, – отрезал он. – Потом станешь получать пятьсот – после испытательного срока в два месяца. Жить можешь либо на съемной квартире (правда, наверное, дороговато для тебя будет), либо в общежитии. Спроси у моей секретарши – она сама долгое время жила в каком-то. Через десять дней чтобы приступила к своим обязанностям. Все. Свободна.

Ирка немного постояла в дверях, но Себровский потерял к ней всякий интерес и вернулся к своим делам. Ирка показала язык его темени и вышла.

Десять дней спустя Ирка явилась на новую работу. У проходной ее встретил крупный мужчина с обширной лысиной и мясистым носом, представившийся начальником сценарного отдела Сергеем Петровичем Сомовым.

– Можно без отчества, но на «вы», – добавил он после приветствия.

– А я – Ирина. Можно без «вы». Я ваша новая секретарша.

– Прекрасно. Пойдемте. – Сергей жестом пригласил Ирку проследовать за собой. – Сценаристов у нас шесть человек, кроме них – я и вы, да еще два редактора. От вас требуется отвечать на звонки, уносить, приносить что попросят, кофе варить, ходить за почтой, следить за всем, а главное – выпроваживать непризнанных гениев, то есть субъектов, которые мнят себя талантливейшими сценаристами и неизвестным мне способом прорываются сюда, хотя на входе у нас охранник, не пускающий посторонних.

– Так как же я их выпровожу, если им и охранник не помеха?

– Взащей. Да, еще кое-что... Почту придется сортировать по той же причине, нужную корреспонденцию ко мне на стол, а сценарии тех же гениев в помойку.

– Все?

– Без исключения!

– А если там и правда есть талантливые?

– Один на миллион. Стоит из-за него терять драгоценное время такому занятому человеку, как я, если у него в подчинении шесть профессионалов, а?

– Нет, конечно, – согласилась Ирка вслух, хотя мнение своего начальника не разделяла.

Она засела за телефон и, когда отвечала на десятый звонок, в приемную буквально ворвалась симпатичная веснушчатая девушка, которая, увидев Ирку, сверкнула улыбкой и громко сообщила:

– Я – Валя.

– А я Ира.

– Я знаю, как тебя зовут, – заверила Валя. Затем, прошагав к Иркиному рабочему месту, она плюхнулась прямо на стол и заговорщицки прошептала: – Не дай умереть от любопытства, скажи, ты его любовница?

– Чья? – не поняла Ирка.

– Себровского, кого ж еще?

– Разве любовницы миллионеров работают?

– В основной своей массе нет, но попадаются среди них жутко честолюбивые особы, которым хлеба не надо – работы давай. Ты не из таких?

– Ну...

– Так я и думала! Для виду, значит, в секретаршах посидишь, а потом Гогоша Сергуньку пинком под зад, а тебя на его место.

– Гогоша? Ты о Себровском? – рассмеялась Ирка.

– Только ты ему не говори, что я так его называю, это я люблю. Ладно, Ирка, скажи честно, было че у вас?

– Не было у нас ничего. Никакая я не любовница, просто хорошая знакомая по его подшефному региону. К тому же, как вы говорите, честолюбивая, поэтому и попросила перевести меня в столицу, а Игорь не смог отказать.

– Игорь, значит?

– Ты его Гогошей называешь, но ведь не любовница, правда?

– Да я бы за счастье посчитала! Беда в том, что он – как айсберг в океане. Непокобелый. Ирка рассмеялась – последнее словечко ей очень понравилось.

– Ну уж если ты его не покобелила, то я, с моей-то скромной внешностью, и подавно.

– На комплимент нарываешься? – фыркнула Валя. – У тебя внешность – высший пилотаж. Классика, Гогоша таких любит. Ир, ну признайся, что там у вас было, а?

Ирка отрицательно мотнула головой. Валя, не поверив ей, надулась и убежала. Но уже на следующий день вновь явилась к новой секретарше с визитом, и совсем скоро девушки стали закадычными подругами.

Глава 6

Прошло три месяца с той поры, как Ирка начала работать в агентстве. Теперь она получала пятьсот долларов, имела подругу, пару приятелей и строгого, но справедливого начальника. Жила она в том же общежитии, что и по приезде, но в скором времени собиралась вместе с Валею переехать на съемную квартиру.

Было время обеда, и почти весь персонал отправился в кафе перекусить. Ирка же трапезничала за своим рабочим столом – на забегаевоки денег не было, поэтому обычно она обходилась бананом и парой пшеничных хлебцев, другим же объясняла свое нежелание питаться в блинных и пирожковых строжайшей диетой. Только она очистила банан и приготовилась отправить его в рот, как услышала недовольный голос Полины, отвечающей за приемку и сортировку почты:

– Ты что это, красатуля, за корреспонденцией не пришла? Сама я, что ли, вам всем носить буду?

Та брякнула на стол пачку писем, оказавшуюся как всегда неимоверно толстой, а все потому, что Полина из вредности всю ненужную корреспонденцию пихала в ячейку «сценаристов» – так их отдел именовали в народе, то есть в агентстве.

Доев банан и почувствовав себя еще более голодной, чем до обеда, Ирка вывалила на стол предназначенные на выброс творения. Просматривать их она начала с самого первого дня – в надежде отыскать что-нибудь стоящее. Надежда оправдалась, Ирка, к своему удивлению, обнаружила несколько очень интересных сценариев. Однако содержание остальных сотен писем наталкивало на мысль, что люди, писавшие их, либо страдают манией величия, либо ничего не понимают в искусстве.

– И чем это мы тут занимаемся? – раздался грозный голос, принадлежащий Иркиному начальнику.

– Перебираем почту.

– А по-моему, читаем дребедень. – Сергей взял со стола первое попавшееся письмо и зачитал вслух: – «Я очень пахож на Бандераса, снимите миня в рекламе...» И на такого вот грамотея ты тратишь свой обеденный перерыв?

– Но я уже отыскала несколько классных сценариев. По одному, например, можно снять отличный ролик о вреде курения, посмотрите...

– Я же тебе сказал – в урну!

– Но вы только взгляните! Сами убедитесь, что без разбору все выкидывать просто грех.

– В урну!

– Но три хорошие работы за несколько месяцев – прекрасный результат. Вы говорили, что один на миллион, а получается на сотню.

– Знаешь, Ирина, ты меня достала. Делай что хочешь, но только не в ущерб своей работе. Ясно?

– Ясно, босс. – Ирка демонстративно-покорно потупилась.

– И не паясничай.

Она склонилась над столом, мстительно думая: ничего, и на ее улице будет праздник. Несмотря ни на что, она добьется уважения, понимания и, чем черт не шутит, восхищения.

В то время когда Ирка строила честолюбивые планы, ее брат сидел в беседочке, потягивал пиво и размышлял. Занятие сие ему страшно не нравилось, ибо напрягать извилины он не любил, тем более что умственный процесс мешал наслаждаться любимым напитком.

И все же Лешка иногда задумывался над тем, почему он так порхает по жизни, не анализируя свои поступки, не планирует завтрашний день, даже ни о чем не мечтает. Это же противоестественно. Он не читает книг, не интересуется международными новостями, не любит

торчать у телевизора, зато лежание на диване с бутылкой пива и без единой мысли в голове для него самое приятное занятие. Остаются, конечно, девушки, но и они его не увлекают серьезно. «Лимит любви, отведенный на нашу семью, давно исчерпала наша матушка», – так говорит умница Ирка, драгоценная сестра.

В чем-то она права – ни один из Лелиных детей никогда не терял головы из-за любви. Например, еще недавно Лешка балдел от Гали, а теперь испытывал к ней лишь легкую симпатию.

Познакомился он с Галей два месяца назад у нее дома – Лешка пришел по вызову чинить газовую плиту в огромный трехэтажный коттедж директора местного мельзавода Пахомова. Дверь ему открыла хозяйка дома – Галина Пахомова, миниатюрная рыжеволосая женщина лет тридцати пяти. Она проводила Лешку в кухню, а когда он устранил поломку, набросилась на него в прихожей и страстно, со стоном, начала целовать, гладить его мускулистые плечи, прижимаясь всем телом. Такого напора Лешка не выдержал, хотя понимал, что связываться с замужней женщиной опасно, тем более что Галин супруг человек не ординарный и рога свои безропотно носить не станет... Но в тот момент, когда ее мягкие губы скользили по его голой груди, здравый смысл улетучился, оставив Лешку наедине с горячим желанием.

Видеться они начали раз в неделю, иногда два, но всегда днем, чтобы не застучала Галина школьница дочка. Галя влюбилась так, как никогда не любила мужа. Лешка тоже увлекся, но головы не терял. Впрочем, как всегда. Ему нравилось, как она занимается с ним любовью, как носит ему в постель кофе и его любимые пирожные, как откровенничает и признается в любви, а с недавних пор – как делает подарки. Однажды Галя предложила ему денег, увидев, в каких обносках он ходит, но Лешка не взял и, оскорбившись, неделю ей не звонил. Галя поняла свою ошибку и с тех пор преподносила подарки, приурочивая их к праздникам.

Короче, жил Лешка припеваючи, был обласкан и одобрен. К тому же более-менее свободен – Галя, обремененная семьей и огромным домом, женщиной была занятой, так что его увлечение зрелой дамой не мешало ему увиваться за девчонками помоложе. Одна из таких юных вертихвосток вскружила Лешке голову совсем недавно. В свои двадцать она училась в пединституте, была весела, беззаботна, очень хороша собой и звалась Татьяной.

Стоило Лешке вспомнить о девушке, как кусты зашевелились, и из них выскользнула стройная девушка с короткой стрижкой – Татьяна.

- Привет, – прочирикала она игриво. – Я так и знала, что ты здесь прячешься.
- Танюша, я не прячусь, а созерцаю свой внутренний мир.
- С каких пор ты начал так витиевато изъясняться? – удивилась Таня.
- С недавних. Поэтому надолго меня не хватит, скоро перейду на привычный язык.
- Вот и славно. – Девушка чмокнула его щеку. – Он часть твоего очарования. Пройдемся?

Лешка согласился с неохотой – боялся натолкнуться на Галю. Да и Танюшино общество не сулило ничего приятного – обычные девчачьи разговоры о любви, вернее, просьбы в ней признаться. Они вышли на аллею, ведущую к центру города, по которой, кроме них, фланировали толпы парней и девчонок. Таня повисла на Лешкиной руке, но вдруг взвизгнула и попыталась спрятаться за деревом.

– Ты чего? – удивился Лешка. Он привык к инфантилизму подружки, но последняя выходка даже для нее была чересчур.

- Маманя моя.
- Ну и что?
- Я же тебе говорила, что она меня пасет. Никаких мальчиков, только уроки.
- Тебе скоро двадцать один, пусть привыкает, – хмыкнул Лешка.

Он обернулся в полной уверенности, что сможет очаровать строгую маму. По аллее, широко шагая, с перекошенным от гнева лицом, к ним приближалась невысокая рыжеволосая женщина. Лешка растерянно заморгал, а из его полуоткрытого рта непроизвольно вырвалось:

– Галя?

Глава 7

Приближалось время обеда. Иркин стол был завален рукописями, которые сгрузили на него работники отдела, выполнив тем самым обязательство перед Сергеем – начальник в срочном порядке потребовал представить на рассмотрение сценарии, нужные для съемок рекламы сети супермаркетов, заказ на которую поступил давно, но до сих пор не был выполнен. Хозяева магазинов оказались очень требовательными, даже придиричивыми, и им не нравился ни один из предложенных вариантов сценария. Сергей уже получил нагоняй от директора агентства, после чего устроил головомойку своим подчиненным, которые, в свою очередь, наплевав на все текущие проекты, поклялись наваять нечто грандиозное. И наваяли – в шести экземплярах.

Ирка бегло с ними ознакомилась, пока начальник отсутствовал, и разочарованно отодвинула в сторону. Посредственно.

– Принесли? – раздался громкий голос у нее за спиной.

Ирка вздрогнула – она никак не могла привыкнуть к манере шефа подкрадываться незаметно.

– Вот, пожалуйста. Шесть штук. И все – дрянь.

– Чего бы ты понимала... – Он пролистал сценарии и ткнул в один из них: – Вот вполне неплохой.

– Он глупый и не смешной, а это не в духе нашего агентства. Должно быть наоборот. Так, например... – Ирка вытащила из ящика стола валяющийся там с давних пор сценарий, который предназначался для урны.

– Хм... – Сергей пробежал глазами по листку. – Где взяла?

– В мусоре.

– Но здесь реклама закусовых.

– Не имеет значения, чуть доработать и получится отличный сценарий.

– Выбрось, доработаем лучше один из этих! – рявкнул он и удалился.

Ирка перевела дух. В последнее время стычки с начальником участились, и все из-за нежелания Сергея видеть в ней не просто девушку, подающую кофе, а члена своей команды.

– Чего вы тут расшумелись? – В приемную с опаской просочилась Валя.

– Творческие споры.

– Все суешь свой нос куда не следует? – Девушка села на стул, кокетливо положила ногу на ногу и с удовольствием посмотрела на свое отражение в мониторе компьютера.

– Сую, – вздохнула Ирка.

– Пошли на выставку современного искусства.

– Ты любишь искусство?

– Не-а. Но я люблю потусоваться. Пойдем?

– Пошли.

– Может, найдем каких-нибудь папиков.

– Зачем?

– Чтобы бабки качать. У вас в провинции папики по другой части используются?

– Не знаю. – Ирка вздохнула. Почему-то ей всегда доставались ужасно легкомысленные подруги. Валя была точной копией Люси, только более усовершенствованной: хорошенькой, модно одетой, но характер один в один. – Я-то пойду с тобой только из любви к искусству.

Неожиданно в комнату ворвался престранный субъект: лохматый, бородатый, в мятой потрепанной одежде и рваных кедах. Мужчина неопределенного возраста откинул с лица прядь длинных темных волос и вперил в девушек дикий взгляд. Ирка решила, что перед ней очередной непризнанный гений, и с гордым видом встала с места, собираясь выпроводить его за дверь.

– Серый где? – спросил субъект и нагло направился к кабинету начальника, но у самой двери остановился, встретив сопротивление секретарши.

– Представьтесь, и я доложу. А так не пущу.

– Ты чего, бабочка, не знаешь меня? – удивился незнакомец.

Ирка пригляделась к его лицу: черная борода, желтые глаза, брови густые. Нет, она его не знала.

– Пусти, дуручка, – вмешалась Валя, – это же Алан.

Ирка посторонилась, все еще не понимая, что за знаменитая личность неряшливый бородач. А тем временем в комнате начальника закипел жаркий спор. Да такой, что Валя, привлеченная шумом, вскочила со своего места и припала ухом к двери.

– Из-за сценариев ругаются, – сообщила она.

– Ты мне, может, объяснишь, что за фрукт к нам пожаловал?

– Я же говорила – Алан.

– Паркер? – съязвила Ирка, припомнив забулборного режиссера Алана Паркера.

– «Паркер» – это ручка, дураку ясно, а Алан Ку – наш гений.

– Режиссер? Обладатель всевозможных наград, богатей и умница?

– Конечно, он. – Валя приложила палец к губам: – Тихо, там такая разборка! Ку постоянно про дерьмо кричит, наверное, он сценарии имеет в виду.

Тут Ирка приняла решение. Она схватила поднос, впопыхах водрузила на него стаканы с соком, в карман сунула отвергнутый шефом сценарий и вошла в кабинет начальника с наивным вопросом:

– Не желаете ли сока?

Спорщики, готовые, кажется, уже вцепиться друг другу в глотку, замерли.

– Желаем, – первым прореагировал на предложение Алан.

– А я тебе говорю – сценарий хороший, – продолжил прерванный спор Сергей.

– А я говорю – дерьмо!

– Ты же гений, вот и придумай что-нибудь.

– Знаешь, что ты меня заставляешь сделать? Из дерьма – конфетку. Такого не бывает. – Он неожиданно повернулся к Ирке, которая с нарочитой медлительностью убирала поднос: – А вы как считаете?

– Полностью с вами согласна, – робко молвила Ирка и протянула сценарий. – Но у меня есть кое-что для вас...

– Так-так-так... – Алан читал, и лицо его прояснялось. – Вот совсем другое дело. Почему ты, – он обратился к Сергею, – его сразу не показал?

– Он его не видел, – уловив замешательство начальника, вмешалась Ирка, – сценарий только сегодня пришел с почтой, а я, услышав ваш спор, решила показать.

– Прекрасно. Очень свежо, весело. Значит, вы сотрудничаете с начинающими авторами? Похвально.

– Мы? – удивился Сергей, но, помявшись, согласился. – Обычно ничего стоящего не попадает, но иногда...

– Девушка, найдите его адрес, я ему напишу. Явно парень талантливый, ему поддержка нужна.

– Алан, зачем тебе это? Поручи Ирочке, она все сделает.

– Я знаю, что значит, когда тебе никто не идет навстречу и не желает тебя даже слушать, испытал такое на собственной шкуре, и теперь, если я могу помочь, я помогаю. – Ку помолчал, видно, вспоминая свой путь к славе, и добавил: – Вы мне, Ира, покажите все, что у вас в столе скопилось. Там, наверное, немного, но посмотреть стоит... А потом приходите ко мне, я попробую перетащить вас в свою команду – вы, я вижу, девушка толковая.

...Лешка бежал по темной улице. Ночи стояли прохладные, но он не ощущал холода, хотя был без рубашки, не видел шарахающихся от него собак, не слышал громкого стука собственного сердца. Он мчался по знакомой улице к дому единственного человека, который мог ему помочь, – к дому своего отца...

Неприятности у Лешки начались с той памятной встречи в аллее, после которой он готов был провалиться сквозь землю. Оказалось, что двадцатилетняя студентка была всего-навсего шестнадцатилетней школьницей, к тому же единственным чадом Галины Пахомовой. После того как это выяснилось и непокорная дочь, надув губы, отправилась домой, Лешка ощутил на себе всю силу гнева женщины, считающей себя преданной. Галя визжала, кидалась на него с кулаками, обзывалась, рыдала, умоляла и все – на глазах проходящих мимо людей. Лешка сгорал со стыда, а потом, не выдержав, развернулся и ушел, втайне надеясь, что на том история и закончится. И ошибся – она только начиналась.

На следующий вечер в его квартире раздался звонок. На другом конце провода была Галя, которая потребовала его к себе домой. Лешка долго отнекивался, но женщина была непреклонна – нужно встретиться с глазу на глаз. Пришлось идти.

Лешка долго мялся на пороге ее дома, подносил руку к звонку и тут же убирал. Известно, решился бы он наконец нажать на него, если бы дверь не отворилась и на крыльцо не вышла сама Галя. Она очень подурнела, осунулась и постарела, хотя, может, ему только так казалось, потому что раньше она была желанной женщиной, а теперь стала надоедливой бабенкой.

– А где твои? – спросил он первое, что пришло в голову.

– Я их отправила к бабушке, приедут завтра утром. – Круги под глазами Галя замазала тональным кремом, обкусанные губы покрыла блеском, но от этих ухищрений стала еще более жалкой и непривлекательной. Лешка решил, что, даже если она бросит к его ногам весь мир, он с ней не останется.

– Мне жаль, что так вышло...

Он хотел успокоить женщину, повиниться, но она ничего не хотела слышать, зажала его рот своим, заключила в кольцо рук его плечи и призывно подалась животом вперед. Лешка вздохнул, закрыл глаза, представил на месте Гали Сальму Хайек и решил напоследок доставить женщине удовольствие.

Была уже ночь, когда они заговорили. Лешка прокашлялся и решительно заявил:

– Думаю, что нам надо расстаться. Все слишком далеко зашло. После твоей истерики многие поняли, какие между нами отношения.

– Плевать.

– А вдруг твой муж узнает?

– Плевать.

– Я не понимаю тебя. У тебя семья, ты о ней должна думать. Неужели ты хочешь плюнуть на все ради своей страсти...

– Не страсти – любви, – перебила она Лешку. – Я тебя обожаю! Ты – мой бог! Женись на мне, и я сделаю все, о чем бы ты ни попросил.

– Галя, – Лешка старался говорить как можно мягче, – ты замечательная женщина, мне очень нравилось быть с тобой, но жениться я не собираюсь ни на тебе, ни на ком другом.

– А Таня говорила, что на ней ты хотел жениться.

– Глупые бредни влюбленной малолетки.

– Ты с ней спал!

– Я со многими спал. Что же, я на всех должен жениться?

– Как ты мог? Она ведь ребенок!

– Она мне врала, что ей почти двадцать один.

– Она была невинна!

– Она была далеко не невинна, поверь...

– Ты все делал мне назло! – закричала Галя. – Спал с моей дочерью, чтобы сделать мне больно! Но я тебя прощаю! – Галя вцепилась в Лешкину руку. – Давай уедем отсюда, у меня есть деньги, драгоценности...

– Галя, – встряхнул ее за плечи Лешка, – опомнись. Ты – мать, жена. Поздно в твоём возрасте менять жизнь.

– Ты не хочешь, потому что я старая! – зарыдала она.

Галя являла собой образец женской скорби: глаза ее были закрыты, тело сотрясалось от беззвучных рыданий, а из горла вырывался сдавленный хрип. Лешке было ее до смерти жалко, но подойти и утешить он боялся – опять она прижмется, начнет ласкать, и он в очередной раз не устоит.

– Послушай меня, успокойся. Я ухажу, но это не значит, что мы должны стать врагами.

– Я ненавижу тебя! – Галя вдруг зарычала, взвилась на постели, сорвав с себя одеяло, бросилась к нему. – Ты дешевка! Я купила тебя! Ты – мой!

– Галя, опомнись... – Лешка растерялся, никогда он не видел эту женщину в таком гневе.

– Когда я заваливала тебя подарками, ты был не против. Я нужна тебе только как жена богатого человека, поэтому ты так переживаешь, что мой муж узнает о нашем романе. Щенок!

– Подавись! – Он швырнул ей в лицо рубашку, которую начал надевать. – За штаны потом рассчитаюсь.

– Убью! – Галина ринулась в атаку с совершенно безумным выражением лица.

Лешка с силой сжал ее руки, но она изловчилась, высвободила одну и вцепилась ногтями ему в щеку.

– Дура! – ругнулся Лешка и ударил ее слегка по лицу, надеясь шлепком привести ее в себя.

Женщина повалилась на кровать, скорее от удивления, чем от боли, прижала ладонь к щеке, глаза ее по-змеиному сузились, и она зашипела:

– Но ты мне за это ответишь... Я тебя уничто-о-о-жу!

Голос ее сорвался на писк. Через мгновение Галина схватила телефон, набрала номер и заверещала в трубку:

– Милиция? Меня изнасиловали!

Лешка стоял как вкопанный, не веря своим ушам. Что она задумала? Утопить его? И заодно опозорить себя? Она что, сумасшедшая? И тут же, ответив самому себе на все вопросы – ответив утвердительно, ринулся из коттеджа на темную улицу...

Дом отца стоял на отшибе, что сегодня порадовало. В окнах горел свет – видно, там еще не спали. Вернее, домашние наверняка уже легли, а вот Марат по обыкновению припозднился.

Виделись отец с сыном нечасто, но регулярно. После шестилетней отсидки по молодости Марат вернулся спокойный, осознавший неправильность своей дотюремной жизни, поэтому устроился на работу, не пил, ходил с гостинцами к Леле, надеясь вернуть ее любовь – наличие у бывшей супруги нового мужа ему не мешало, соперника он в Шурике не видел. Но Леля, когда-то упрямо отстаивавшая право на любовь, теперь с тем же упрямством не желала ей поддаваться. «Я вас люблю, к чему лукавить, но я другому отдана и буду век ему верна...» – именно так она заявила Марату в их последнюю встречу, после которой повелела оставить ее в покое. Сыночка, правда, видеть не запретила.

Отвергнутый Марат с горя запил. В пьяном угаре связался с какой-то оторвой, вместе с которой и сел через год в тюрьму за ограбление пивного ларька.

Так бы, наверное, и превратился Марат в рецидивиста, если бы не... любовь. Нашел он ее совершенно случайно, в тюремной больнице, где лечился от сифилиса. Некрасивая медсестра по имени Алена привлекла его внимание сразу. Она была доброй и милой, с тихим голосом и ласковыми руками. Год спустя они поженились, через два он вышел на свободу.

С той поры жизнь Марата в корне изменилась. Он стал примерным семьянином, работагой и трезвенником. Иногда, правда, срывался – уходил в недельный запой, куролесил с бабами. Но жена его отыскивала, приводила домой, выхаживала, а после того, как он приходил в себя, прощала. Она была терпима к мужниным слабостям, за что он безмерно ее уважал и никогда не променял бы ни на одну красотку...

Лешка постучал. Дверь открылась сразу, на пороге стоял отец – в тренировочных штанах, маленький, седоватый, но с такими же, как в молодости, колдовскими глазами.

– Папа, у меня неприятности, – без предисловий начал Лешка. – За мной гонится милиция.

– Ты что же, дурень, по батиным стопам решил пойти?

– Пап! – возмутился Лешка и выложил все как есть.

– Н-да... – Марат надолго задумался, прослушав историю сына до конца. – Мотать тебе отсюда надо.

– Зачем? Я ведь ничего не сделал.

– Следы сношения есть? Есть. Следы побоев?

– Каких побоев? Я ее хлестнул легонько.

– Она – рыжая, а кожа у них нежная, и теперь у нее, наверное, вся щека красная, а на руках синяки. Потом, рубашка твоя там осталась. Самое же главное в другом – муж ейный большая шишка, и съест он тебя за свою дуру с потрохами.

– Что же делать?

– Мотать.

– Куда? В Н-ск, что ли? Да я там и не знаю никого! Пап, я из нашего городка и не уезжал никогда, кроме как в армию.

– Н-ск не пойдет – слишком близко. В Москву езжай. С твоей мордой там не пропадешь, манекенщиком каким-нибудь устроишься.

– Да меня же в федеральный розыск объявят, куда я устроюсь?

– Неизвестно еще, как дело повернется. Ждать надо. Но в одном ты прав – схорониться тебе пока не помешает...

– Я к Ирке поеду! – нашелся Лешка. – Она, правда, в общежитии живет, но придумает что-нибудь, она баба головастая.

– Вот и правильно. – Марат встал, накинул на себя фуфайку. – Сиди здесь пока. Я домой к вам сгоняю, вещичек тебе соберу, мать предупрежу, присмотрюсь опять же.

– А потом?

– А потом довезу тебя до Владимира на своей колыхае. Там ты на первую электричку до Москвы сядешь и днем уже с сестрицей своей обниматься будешь.

Глава 8

Ирка переезжала – они с Вале́й нашли неплохую однокомнатную квартиру в Химках. Далековато, конечно, но до работы удобнее добираться. Опять же ни тебе шума, ни злых вахтерш, и соседка только одна.

Ирка была полна радостного возбуждения – все-таки впервые она поселилась отдельно от мамы. Конечно, у нее уже был опыт проживания вне родительского дома, но общежитие вряд ли можно было считать самостоятельной жизнью – никакого кайфа. Теперь же, как она надеялась, начнется совсем другая жизнь. Никакого контроля, душ – хоть каждый день. Парней опять же можно привести, а в том, что будет кого водить, Ирка не сомневалась. С такой подружкой, как Валя, недостатка в мужском обществе быть не может.

Девушки выгрузили вещи из такси. Валя – четыре чемодана, фикус, магнитофон, огромный пакет с ложками, тарелками и еще один неизвестно с чем, а Ирка – одну дорожную сумку да перевязанную стопочку книг.

– И все? – удивилась Валя, увидев немногочисленные Иркины пожитки.

– Ты зато, как я посмотрю, весь дом вывезла.

– Здесь только мой летний гардероб, остальное я постепенно перетаскивать сюда буду...

Ну все, двинули, – скомандовала Валя и, взвалив на себя два тюка, вошла в подъезд.

Квартира располагалась на третьем этаже, была неплохо обставлена, имелся телефон. Все удовольствие стоило пятьсот долларов в месяц, по двести пятьдесят с каждой, но пришлось заплатить за полгода вперед. Такая сумма проделала брешь в Иркином бюджете, но у нее была надежда на скорую прибавку к зарплате.

Вот уже месяц она работала в команде Алана, и ей это безумно нравилось. Теперь она не варила кофе, не бегала за сигаретами для босса. Она творила. Либо помогала творить другим. Вместе с Ку они отыскивали адрес того парня, сценарий которого им обоим так понравился, и пригласили к сотрудничеству. Ирка редактировала его работы, после чего передавала в руки гения. Еще она писала сценарии сама, сортировала те, что присылал ее бывший начальник, просматривала почту на предмет обнаружения новых талантов и делала все, чтобы угодить своему новому шефу.

Личные отношения у них, правда, не складывались. Алан оказался очень необщительным, замкнутым, даже угрюмым. У него не было ни друзей, ни вредных привычек, ни любимой женщины. Последних, кстати, он терпеть не мог. Или Ирке так казалось. Он был раздражителен, порою груб, но с ней держался подчеркнуто вежливо, что наталкивало на мысль, что ее он любит больше, чем других представительниц слабого пола. Ирка поначалу пыталась подружиться с лохматым букой, но все ее поползновения ни к чему не привели. Ку хвалил ее профессионализм, но как личность и как женщина Ирка его абсолютно не интересовала. Была надежда растопить лед на новоселье, которое Валя решила устроить через неделю и на которое был приглашен Алан. Хотя Ирка сомневалась, что он явится, но подруга заверила: «Придет как миленький, мне еще никто не смог отказать».

В новой квартире Ирке нравилось все: и вид из окна, и большая кухня, и мебель – добротная, послевоенная, массивная.

– Как может тебе нравиться такая рухлядь? – удивлялась Валя, которая мечтала о розовом будуаре и кровати с пологом.

– Уютно, – пояснила Ирка и разместила на дубовом серванте фотографию брата.

– Ой, а кто этот Аполлон? – воскликнула Валя, застыв перед снимком.

– Лешка.

– Братеньник твой?

– Ага. – Ирка привыкла к тому, что внешность брата вводит в ступор всех женщин Земли, и каждый раз очень веселилась.

– Е-мое! Бывают же такие самцы... Я думала, что красивее Рики Мартина нет мужика, а оказывается, в каком-то Хрюкино..

– В Ольгино.

– ...живет такой экземпляр, работает слесарем и имеет противную сестру, которая скрывает сокровище от своей лучшей подруги.

– Я не скрываю. Просто Леха, как Обломов, обожает валяться на диване, ничего не делая, и переться в Москву ему вряд ли захочется.

– Что ж, он просто лежит, и все?

– Нет, конечно. Еще пиво пьет. Встает только на работу и на охоту.

– Он еще и охотник?

– До баб.

– Прекрасно. Вот ты его и замани сюда поохотиться. Я согласна быть приманкой.

– Вот если бы ты была Дженифер Лопес, он бы приехал. Может быть. А лучше безымянной бразильянской с гривой черных волос и большим задом. Уважает он таких девушек. Когда карнавал в Рио показывают, его от телевизора не оттащишь.

– Я перекрашу волосы и отращу зад ради такого мужика.

– Ну-ну... – Ирка скептически посмотрела на хрупкую медноволосую Валю с россыпью веснушек на носу. – Дерзай.

...Лешка устал и проголодался. Он уже полдня бродил по Москве, не зная, куда податься. По адресу, указанному сестрой, он никого не нашел – сказали, вот только что съехала. Лешка решил отправиться к ней на работу, но не знал, где ее агентство находится, а в главном офисе никаких справок не давали. Он попытался обаять девушку за конторкой, и девушка, естественно, поддалась, но, увидев в паспорте фамилию Азизов, не поверила, что он приходится братом разыскиваемой им Медведевой, и выпроводила вон.

Лешка купил пару беляшей и присел на лавку. Надо подумать. В справочной должны дать адрес. Тогда он отправится к сестрице на работу и подождет, в шесть Ирка пойдет домой, и они встретятся... Но где найти справочную?

Беляш оказался невкусным, но есть очень хотелось, поэтому один Лешка слопал даже с аппетитом, второй, правда, пошел хуже, но не выбрасывать же – дорогой. Тут он увидел пивной ларек и обрадовался. Единственный приятный момент за сумасшедший день! Вот выпьет сейчас пару кружек, взбодрится и с новыми силами отправится на поиски сестры. Беляш доедать уже не хотелось, Лешка оглянулся в поисках какой-нибудь собаки, но увидел... милиционера. Точно! Спросить можно у него. Кто, кроме милиции, лучше знает город? Разве что таксисты. Лешка от радости забыл про беляш, который незамедлительно выпал из рук и шмякнулся на колени, на брюках тут же образовалось жирное пятно. Лешка горестно вздохнул и пошел пить пиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.